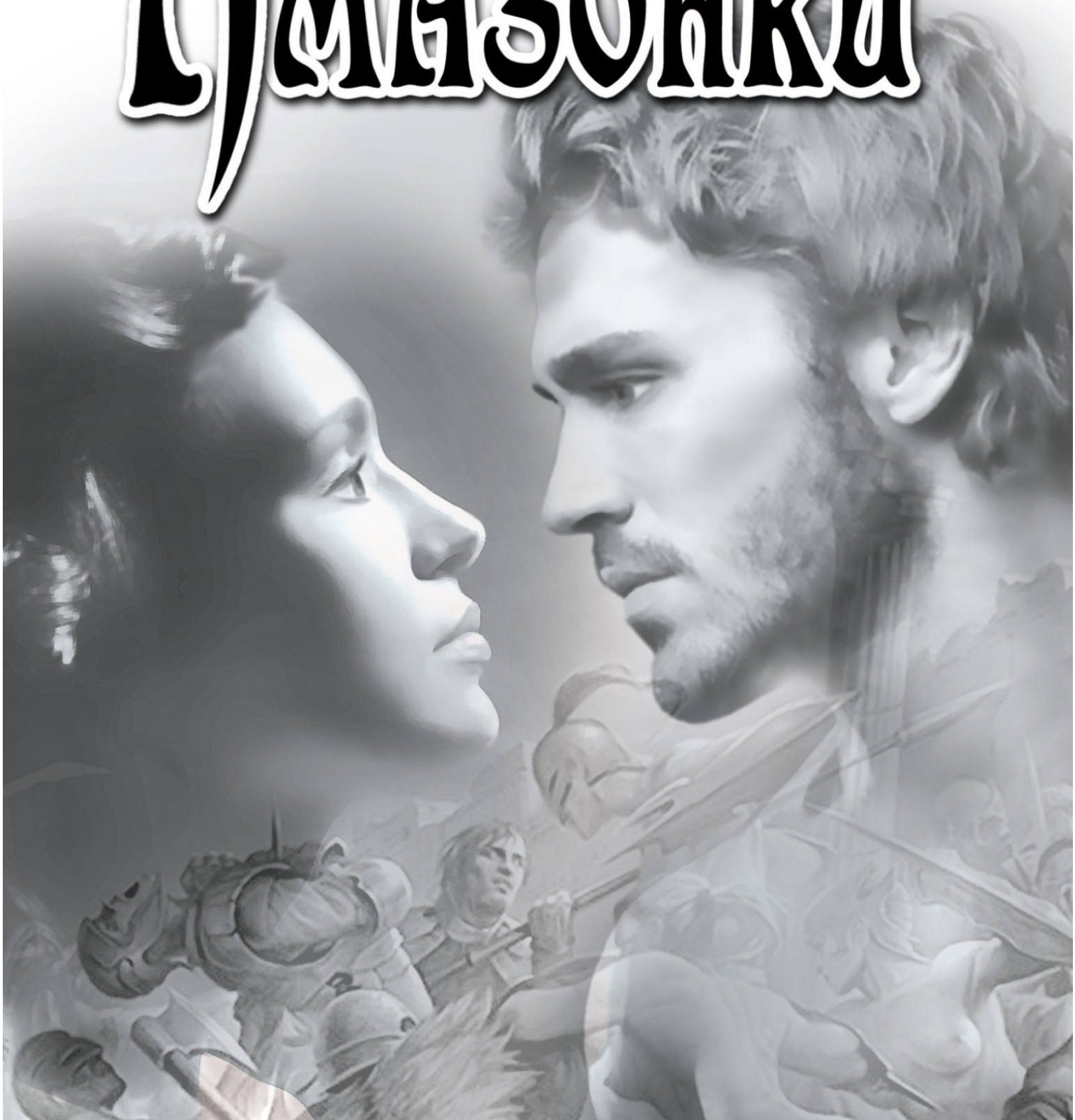

Коллекция современной прозы

Гюля Ализаде

Гмазонки

Коллекция современной прозы

Гюльшен Ализаде

Амазонки

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ализаде Г. А.

Амазонки / Г. А. Ализаде — «ИП Березина Г.Н.»,
2021 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907350-96-0

Действие романа разворачивается на фоне борьбы амазонок с соседними племенами. Теснимые всеми, эти женщины вынуждены быть бессердечными, чтобы выжить. Им приходится не только убивать врагов, но и казнить соплеменниц. Однако сквозь жестокие обычаи прорывается всё, что свойственно людям, – любовь и предательство, восхищение и зависть, преданность и ненависть. Вопреки законам племени зарождается притяжение между юной амазонкой и пленником-скифом. Следя за их скитаниями, читатель видит, на какую высоту духа, на какие жертвы способна любовь. Однако ждет ли героев счастье?..

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-96-0

© Ализаде Г. А., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Глава восьмая	30
Глава девятая	33
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая	40
Глава двенадцатая	44
Глава тринадцатая	47
Глава четырнадцатая	50
Глава пятнадцатая	53
Глава шестнадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гюля Ализаде

Амазонки

© Гюля Ализаде, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

* * *

Я – Гюля Ализаде (Ализаде Гюльшен Арифовна)...

После этих слов должно последовать перечисление ряда характеризующих меня фактов – тех, что определяют и составляют биографию каждого человека.

Но неужели только так?.. Разве дата моего рождения или же профессия создадут в твоём сознании меня как личность, мой читатель?..

Думаю, что нет. Определяющие нас достоинства или пороки – это плод нашего существования в обществе и взаимодействия друг с другом. Каждый из нас обладает силой влияния на судьбу людей – таких же, как мы... подобных нам. В этом заключается наша непоколебимая сила.

Кто ты, кто я?.. Кем мы являемся вместе или же в отдельности?

Порою всего лишь одно слово может изменить судьбу! Есть нечто, неоспоримое лично для меня. То, перед чем бессильно сомнение. Ты создаешь мой путь в этой жизни, а я, конечно же, твой.

Сделаем этот мир лучше! Пусть именно этот призыв станет сутью биографии каждого из нас...

Предисловие

Эта книга про нас, людей... В различные периоды жизни мы испытываем те или иные чувства, которые являются отражением сложившейся вокруг нас ситуации. Эти чувства одинаковы по сути, но каждый придает им свой, отличный от всех, индивидуальный смысл.

В зависимости от той среды, в которой человек пребывает, от ценностей, обрядов, обычаев и традиций, ему приходится выбирать себе путь, по которому он идет, – любя или ненавидя, выражая в большей степени добро или зло, восхищаясь собой или же стыдясь своих мыслей и поступков.

Это наша жизнь, в которой мы становимся героями или изгоями. Наше мироощущение зависит от отношения к нам окружающего нас общества. То, что сегодня казалось правдой, может обернуться противоположной стороной, заставляя измениться и нас самих. Но, вопреки всему, всё преходяще так же, как и относительно. Самое главное – не потерять себя в желании быть признанным.

Эта книга повествует о любви амазонки и скифа. И здесь все непросто, ведь племя амазнок – загадочный народ, известный нам из древнегреческих легенд. Единственными его представителями были женщины, не терпевшие при себе мужей и использовавшие их только для увеличения своей численности. Они оставляли родившихся девочек в племени и воспитывали их подобными себе, а мальчиков либо умерщвляли, либо подкидывали в близлежащие селения.

Амазонки мастерски владели всякого рода оружием, ведь всю жизнь им приходилось воевать за место в этом мире. В некоторых легендах даже говорится, будто еще в раннем детстве им выжигали правую грудь, чтобы они могли без всяких помех стрелять из лука.

Представительницы этого племени считали себя отверженными – так сложилась их нелегкая судьба. В их жизни не было места таким чувствам, как любовь или сострадание по отношению к другим народам...

Но любовь не знает законов. То ли она слепа к ним, то ли не желает их видеть. Она не может жить в темнице, сооруженной людьми из всех тех запретов, которые они считают наиболее целесообразными для своего общества. Герои этой книги встают на нелегкий путь борьбы за свободу своих чувств.

Глава первая

– Красивые желанья воплотить и в жизнь погодою спуститься! – напевала тихо, но невероятно мелодично девушка, стоявшая над огромным котлом и с трудом помешивавшая его содержимое.

Варево источало тонкий аромат сотни различных трав и цветов. Сладкий и немного терпкий запах заполнял собою воздушное пространство, создавая, казалось, особую атмосферу вокруг, пленяя все живое и способное жить и чувствовать. Это было снадобье, способное вылечивать от многих недугов, оно помогало при заживлении ран и притупляло чувство боли. Готовили его для воинов – для женщин-воинов...

– Есть ветер, и хвала ему!
Хочу быть в жизни только им,
собою так гордиться!
Я воин, солнце, амазонка!
Мечта – свободой вдоволь насладиться!

– чуть слышным шепотом, мечтательно улыбаясь, восторженно продолжала напевать девушка.

Радость заметно просачивалась из ее души в глаза с чуть рыжеватым оттенком и едва заметным прищуром, и их блеск в форме мельчайших крупинок, будто играющих и переливающихся, сливался в единое целое с бликами солнца.

Гармония всем своим внутренним существом ощущала томность солнечного дня, и ничто на свете не могло бы нарушить естество природной жизни и то настроение, которое оно распространяло на все окружающее.

Ее семья – довольно большая, многочисленная – перекочевала в эти места недавно.

Семья!.. Этим словом называлось многочисленное племя, большая часть которого осталась на родине, другая же, насчитывающая около двухсот человек, была отправлена в дальние края на поиски новых мест для жизни, с целью расширения границ обитания.

Перевалом для племени оказалась самая дикая и труднопроходимая часть огромного леса, который, по всей видимости, был недоволен нарушением своего молчаливого величия такими же, как и он, дикими существами и издавал странные, пугающие звуки: то шепот, который проникал в сердце и мозг и не давал покоя, особенно по ночам; то оклик, разносящийся эхом в душе, – он не смолкал, доводя сердце до тревожного стука.

И только глядя в небо, люди начинали верить в то, во что верить хотелось. Именно здесь, в небесной бездне, мечта каждого из них непременно осуществлялась, вселяя в души надежду, что и на земле все будет настолько же прекрасно и своевременно.

Лагерь, совсем недавно расположившийся в этом лесу, отдыхал после тяжелого перехода через горы. Это было долгое странствование, полное опасностей и потерь. В пути людей постигла беда: трое из них сорвались в ущелья и погибли ужасной смертью, пятеро же получили различные увечья, упав с не слишком больших возвышенностей, но сумев спастись.

И вот теперь люди, изможденные физически и морально, старались восстановиться телом и душой.

Три молодые и особенно выносливые девушки поочередно подходили и помешивали снадобье в огромном котле, подвешенном с самого утра над костром. Одновременно одна из них должна была постоянно следить за огнем – ему не следовало быть слишком сильным, дабы сохранить все полезные свойства целебных растений.

Две пожилые женщины готовились совершить вечером традиционный обряд оплакивания погибших. Амазонки Лисиппа и Мирина с отрядом в пять человек с самого раннего утра пошли осматривать окрестности. Нужно было вернуться с хорошей добычей, ибо это подтвердило бы, что удача будет сопутствовать народу в этих краях.

Остальные занимались сооружением хижин. Пригодиться могло все: обломки деревьев, камни, служащие опорой и устанавливаемые как изнутри, так и снаружи...

Царило молчание. Только безмолвная суэта. То была усталость от мыслей, от воспоминаний о пережитых страданиях. Это немногочисленное племя составляли в основном воины и еще сорок девушек, в обязанность которых входило заниматься домашним хозяйством.

Амазонки... Народ, склоняющий голову только перед своей богиней – Артемидой. Народ, состоящий из одних женщин. Народ, потерявший всякую веру, кроме веры в себя. Они жили во имя мести, и из мести была сотворена каждая из них...

Зов предков не могли заглушить ни боль, ни годы, проходящие в вечных боях и изгнании. Они вынужденно и насильственно стали отшельницами. Эти женщины с выжженной правой грудью еще с детства помнили о своем предназначении на свете, и ни одна из них не могла даже допустить мысли об ином существовании.

Все было строго распределено в их обществе: женщины-воины днями напролет упражнялись, совершенствуя боевые навыки, старые и не способные по причине многочисленных ранений участвовать в сражениях воспитывали детей.

Особую же когорту составляли такие девушки, как Гармония. Они были рождены, чтобы в дальнейшем, по прошествии времени, стать матерями. Их отбирали еще в детстве – самых красивых и здоровых, ибо будущее поколение должно было быть достойным продолжением непреклонных воительниц.

Но несмотря на различную судьбу, каждая амазонка обязательно обучалась умению обращаться с луком и стрелами, топором и ножом. Любая из них могла постоять за себя и при необходимости была готова проститься с собственной жизнью, дабы не попасть во вражеские руки.

Представительницы загнанного и в то же время гордого народа обучались мастерству убийства с самого раннего возраста.

Глава вторая

– Алкибия, Грина, где вы там? – послышался голос из густо растущих зарослей.

Это возвращались главные воины, управляющие мыслями и духом остальных.

Лисиппа представляла собою касту матерых воительниц. Выглядела она очень угрюмой. Жесткие, словно выжженные, коротко остриженные соломенные волосы контрастировали с изумрудного цвета глазами, которые скорее отталкивали своей остротой, нежели привлекали весьма необычным для смуглой кожи цветом. Широкие плечи, мускулистые руки и ноги...

Свирепым и вечно хмурым выражением лица Лисиппа больше походила на озлобленного мужчину. Многочисленные шрамы – старые и еще свежие, не успевшие побледнеть и покрыться новыми слоями кожи, – обезображивали все тело амазонки. Кожа, обгоревшая от постоянного пребывания на воздухе – в жару и в холод, – местами блестела.

Когда Лисиппе приходилось по необходимости сказать кому-либо две-три скудных фразы, она намеренно поворачивалась в другую сторону. Обозленная на целый мир амазонка предпочитала не смотреть собеседнику прямо в лицо, и ее отрывистые мысли будто пролетали сквозь человека. Но в редкие моменты, когда она случайно поднимала голову, невозможно было отвести взгляда от устрашающего шрама на ее лице – рубец тянулся от подбородка через правую щеку и едва не задевал уголок глаза.

Уродливая полоса от меткого меча противника оставила след и в душе Лисиппы, ожесточив ее настолько, что за глаза воины называли ее дьяволицей.

В племени считали, что только Артемида спасла ее в ту кровопролитную и беспросветную ночь, когда греки (количеством втрое превышающие отряд амазонок) бились словно демоны в своем последнем бою, вооруженные до зубов и беспощадные в своей жестокости. Тогда амазонкам пришлось отступить, так как была потеряна большая часть отряда. Их застали врасплох – они только в первый раз собирались в горы, и войска успели отойти довольно далеко от лагеря...

Лисиппа, а за нею и Мирина с довольным выражением лица подошли к котлу.

Лес благословил новых обитателей и поделился своими дарами. Воины поохотились на славу – они подстрелили двух медведей и десяток горных козлов. Этой добычи уж точно должно было хватить не меньше чем на пару дней.

Теперь можно было немного расслабиться, ведь основная задача – прокормить людей – в первые же дни была выполнена. Амазонки начали приживаться в новых местах.

– Они пасутся прямо у подножия горы целыми стадами, – проговорила радостно Мирина. – Воины хорошо поохотились!

Несмотря на количество войн, намного превышающее число сражений, в которых участвовала Лисиппа, предводительница амазонок Мирина была более приветливой. И вообще, в племени считали, что еще в далеком детстве, когда проходил отбор, произошла явная судьбоносная ошибка. Именно она скорее должна была стать матерью, нежели воином. Волосы (пусть даже и короткие, как у амазонок-воительниц) изящно обрамляли овал лица, не потерявшего идеальную форму ни с годами, ни из-за тяжелой жизни. Улыбка – чуть загадочная, но светлая... И даже раны на теле Мирины заживали быстрее, чем у остальных, почти не оставляя после себя шрамов.

Она часто подходила к хижинам, где содержались самые маленькие из девочек, брала их на руки, напевала им что-то ласковое, все так же улыбаясь. Порою, вслушиваясь в ночь, можно было различить тихий шепот Гармонии – она просила Артемиду заступиться и спасти повелительницу Мирину, которую считала своей матерью.

...Две молодые девушки сразу выбежали из хижин и, преклонив колени, встали перед воинами.

– Здесь недалеко есть селение, – продолжала Мирина, поначалу словно не обратив на них внимания. – Нельзя, чтобы они узнали про нас раньше времени... Гармония, на тебе уже лица нет, – вдруг отвлеклась она от разговора и подошла к котлу. – Где та, что должна сменить тебя? – чуть нахмурившись, спросила предводительница.

– Я здесь недавно, заступница, – смутившись и покраснев, ответила Гармония. Она сразу же склонила голову, пытаясь избежать Мириного взгляда.

В племени было принято называть воинов *заступницами* – ведь только они могли защитить и спасти народ.

– Иди и позови ее, – обратилась Мирина к другой девушке, поспешившей их приветствовать. – Да-да, речь идет о Грине, – уточнила она раздраженно, заметив, как та глянула вопросительно.

Девушка, испугавшись, ринулась к хижинам, громко окликая Грину.

Очень рослая и сильная амазонка отличалась своенравием и любила демонстрировать власть над другими соплеменницами. Еще издали заметив, с какой напряженностью ждут ее собравшиеся у котла воины, Грина замедлила шаг, но, понимая неизбежность предстоящей встречи (судя по всему, не сулившей ничего приятного), приблизилась, особенно не торопясь и стараясь держаться как можно увереннее.

Едва девушка открыла рот, чтобы что-то сказать, как Мирина, не удержавшись, подошла к ней вплотную и резко схватила за плечо.

– Посмотри мне в глаза, – сердито приказала предводительница. – Не опускай голову! Я не собираюсь каждый раз повторять, что вы должны сменять друг друга вовремя. Я требую порядка! Больше поблажек не будет, запомни это!.. Не смей вести себя подобным образом, девчонка, и не думай, что ты чем-то отличаешься от остальных! По какому праву ты возомнила себя особенной?..

– Но... заступница! Я не думала даже!.. – громко возразила строптивая амазонка.

– Ты мне уже надоела. Разговор окончен! – грозно прервала ее Мирина и с силой оттолкнула к котлу.

Гармония, не смея взглянуть на предводительницу, осторожно, совершенно беззвучно отошла в сторонку, уступив место Грине. Смущенная случившимся раздором и выставленная в столь невыгодном свете, девушка принялась за дело, едва сдерживая слезы злости.

– Нам нужно взять еще нескольких воинов и опять спуститься с горы, теперь поближе к селению, – внимательно наблюдая за Гриной, обратилась к Мирине Лисиппа.

Та одобритительно кивнула головой.

Начинало смеркаться. Люди торопливо заканчивали повседневные дела. Все очень устали, а хлопот было еще много. Амазонки с нетерпением ждали вечера, чтобы насытиться после тяжелых дней в лесу, когда они, торопясь дойти до места назначения, жили впроголодь.

Добыча была уже освежевана, костры разведены, котлы над ними подвешены. Аромат томящегося мяса заставил всех собраться у огня...

Как это было принято в племени, ближе всех к кострам расположились воины, после них – старухи с детьми. Позади же были места девушек и молодых женщин. Они терпеливо ждали, пока пищу раздавали людям в первом и втором рядах.

Не было слышно ни единого голоса, не вымолвлено ни слова. Люди наслаждались едой, ощущая себя в мире с самими собой...

Глава третья

Еще не рассвело, а пастухи уже гнали стада коров и овец на пастбища. Они жили со своими семьями в маленьком селении у подножия горы.

Жизнь здесь начинала кипеть с раннего утра.

Живописная природа этих мест поражала великолепием цветов и других растений, покрытых дремучими лесами гор, окружавших долину, где люди занимались земледелием, ремеслами, разведением скота и изготовлением коровьего, овечьего и кобыльего сыра.

Селение принадлежало царю Скифу, который славился своими несметными богатствами и непомерной удачей, что приносила ему золотая чаша, некогда упавшая, по преданию, с неба – в ней были плуг, ярмо и секира. И именно чашу в каждое полнолуние наполняли золотыми монетами, таким образом отдавая дань тому, что на протяжении многих лет она оберегала скифский народ.

Почва здесь была невероятно плодородной, дожди – обильными настолько, чтобы принести пользу, а не причинить вред. Скифии принадлежало пространство протяженностью от моря до засушливых степей. Враги боялись подступиться к этим землям, зная о численном превосходстве армии могучего Скифа, а здешний народ процветал и чтит своего царя, справедливого и щедрого.

Двенадцать пастухов уже пасли свои стада. Каждого из них сопровождали две огромные собаки, которые одним своим видом наводили страх. Скота было много, пастухи старались не упустить из виду ни одно животное, погоняя их выструганными из дерева длинными шестами.

– Атей... присмотри и за моим стадом, а я быстро поднимусь к тому оврагу, что неподалеку, поймаю горного козла на обед, – с просительной улыбкой на лице подошел к своему более зрелому товарищу самый молодой из пастухов – Сакий.

Зная мужчину с детства как человека доброго нрава, парень зачастую пользовался его уступчивостью.

– Что?! Придумал тоже! Ты же знаешь правила! – всплеснул руками ошарашенный неожиданной просьбой пастух. – Сакий, уймись, я прошу тебя. Ну, займись ты делом! Еды у нас предостаточно, да и не могу отпустить я тебя. Слишком опасно там ходить и тем более охотиться! Помнишь, что случилось прошлым летом с беднягой Вакидом? Сорвался в овраг, еле его оттуда вытащили и похоронили. А ведь несчастный был старше тебя, да и опытнее... Нет, Сакий, не могу я со спокойным сердцем дожидаться тут тебя! Уж очень любишь ты играть с огнем... Нет-нет, сынок, и не проси даже. Уйди с глаз, пора уже приняться за дело!

Пастух уже собирался отойти, чувствуя, что еще немного – и он может сдать: он был не в состоянии долго выдерживать наивно-удивленный вид Сакия, который слушал его, чуть ли не раскрыв рот.

– Атей, дружище, полегче немного! Что ты завелся-то так! – воскликнул парень. – Ну, очень уж хочу добыть козла... из головы не выходит, покоя не дает. Обещаю, что к полудню уже буду здесь, и что со мной ничего не случится. Вернусь и буду вновь досаждать тебе, мой верный друг.

Закатив глаза, Сакий положил правую руку на сердце. На его лице появилась озорная, чуть насмешливая улыбка.

– Я сказал «нет», и кончено!.. Отстань! Иди отсюда! – воскликнул Атей и нерешительным движением руки оттолкнул слишком близко подошедшего юношу.

Внезапно Сакий упал на колени и схватил пастуха за руку.

Атей вздрогнул от неожиданности.

– Да ты точно с ума сошел! – выкрикнул он сдавленным голосом.

Юноша повалился Атею в ноги, не выпуская кисть его руки.

– Атей, прошу, будь другом! Нет, нет! Что это я?.. Да ты же мой учитель... нет, старший брат! Нет, все-таки учитель, наставник! Как тебя еще назвать? Самый главный из пастухов на всем свете, сжался! – восклицал он.

– О духи леса, за что это мне? – жалобно взмолился пастух, подняв руки к небу. – Неужели нет на тебя управы? Когда ты поумнеешь, сынок?.. Увижу ли я этот день?

– Слишком много вопросов, я совсем растерялся! Не много ли ты хочешь знать?.. Атей, я не отстану, – откинувшись назад и усевшись на пятки, пригрозил Сакий, едва сдерживая смех.

– Убирайся куда хочешь, – сдавшись, устало произнес мужчина.

Парень тотчас же поднялся на ноги и с размаху обнял пастуха.

– Атей, мне кажется, или я действительно люблю тебя?! Да-да, это любовь, вот не сойти мне с этого места!

– Пошел прочь! – уже смеясь, сказал Атей. – Даю тебе время до полудня. И прошу, сынок, будь осторожнее!.. Не подведи меня, Сакий! – сказал мужчина с волнением в голосе, обхватив его голову ладонями и хорошенько потрянув.

Сакий был один из самых сумасбродных юношей в деревне. Еще в детстве он потерял отца: тот не вернулся с горы, к подножию которой он в тот день погнал пасти скот. Люди тогда решили, что он сорвался в овраг, но тело так и не нашли. Стадо вместе с собакой тоже пропали.

Парень жил с матерью, которая не знала (да и не представляла) другого счастья, нежели глядеть на подрастающего сына. Она часто вспоминала мужа и беззвучно плакала после того, как мальчик засыпал...

Но даже сквозь сон Сакий знал, что мать, сидя у окна, грустит целыми ночами. Не раз он хотел встать и обнять ее, но не мог заставить себя сделать это. Ему казалось, что ее горе может перейти и на него, и тогда он просто не сумеет справиться с бедой...

Отца Сакий не помнил, хотя часто изо всех сил зажмуривал глаза, пытаясь увидеть родное лицо. Но годы проходили один за другим, и мать почти успокоилась. Мальчик же, наоборот, стал вспоминать отца чаще, все больше нуждаясь в нем.

Недавно Сакий начал помогать пастухам, хотя это занятие ему было не очень-то по душе. Он предпочитал что-то создавать своими руками. Вырезая из дерева фигурки, он дополнял их украшениями, которые делал из костей животных. Все в селении удивлялись мастерству парня.

Однажды Сакий выстругал фигуру девушки из тутовника, в который ударила молния, почти разломив его на две части, – и таким образом дерево продолжало жить, хоть и в другом обличье. Часто по ночам под ним устраивались влюбленные парочки, и оно, словно воплотившее дух девушки (а может, и наоборот), охраняло их любовь.

Люди постепенно начинали верить в это – спустя короткое время у тутовника начали выстраиваться парни и девушки со всего селения, ожидая своей очереди быть благословленными чудесным деревом. Все это доставляло Сакию немалую радость и прибавляло гордости за свое умение.

С самого раннего утра царило спокойствие. День обещал быть жарким. Накануне днем шел дождь, и растения, вдоволь напившись живительной влаги, выглядели особенно сочными и полными жизни.

Сакий сорвал несколько листьев с дерева и глубоко вдохнул их аромат. Он делал так еще с детства, ощущая себя сыном природы, таким же сильным и вечным. Острый изогнутый нож, не похожий на те, что носили с собой пастухи, был спрятан у него под рубахой, а не заткнут за пояс. Часто мать бранила его из-за этой привычки (как ей казалось, очень опасной), но Сакий только отшучивался.

– То, что для тебя предвестник беды, на самом деле мой лучший друг. Ничто другое на свете не способно так хорошо понять меня, как этот нож... – повторял он.

Обращаться с ножами Сакий действительно умел, придавая им затейливую форму и приделывая к лезвию собственноручно вырезанную замысловатую рукоятку.

Юноша быстро взобрался на невысокую возвышенность, примостившуюся на груди своей величественной и загадочной матери-горы. Мелкие роднички весело журчали, играя мелодию сегодняшнего дня, птицы же своим пением поддерживали ее гармоничность.

Сакий продолжал идти, взбираясь все выше и выше. Что-то влекло его сюда: то ли таинственность места, то ли передаваемые из уст в уста легенды об обитающих здесь загадочных человекоподобных существах.

Порой юношу посещала дума – а вдруг там, высоко-высоко, живет его отец и ждет сына?.. Насколько это может быть высоко, парень не знал, и каждый раз, представляя себе жилище отца на вершине горы, его взгляд незаметно для него самого переходил на небо – в ту заоблачную высь, где он начинал тонуть. Долго смотреть на облака юноша не мог – становилось тесно в груди и смутно на душе.

Жара усиливалась. Сакий замедлил шаг и оглянулся. Он был уже в гуще леса, его окружали лишь деревья, которые удивляли человеческий взор своим ростом и шириной ствола. Из-за тесно растущей листвы невозможно было заметить верхушки этих тысячелетних старцев...

Юноша подошел к одному из откосов и глянул вниз. Трава и цветы сплошным ковром покрывали самые крутые склоны, маня все живое в жерло явной гибели. Сакий решил пройти дальше, но услышал шорох прямо позади себя. Он быстро поднес руку к ножу. «Олень скорее всего! – подумал юноша. – А может быть, и волк!»

Он чуть насторожился. Диких зверей Сакий не боялся, а волков считал просто собаками другой породы: ему казалось, с ними всегда можно найти общий язык, и только в крайнем случае – убить.

Сакий осмотрелся, вокруг было тихо. Место обитания горных козлов находилось еще выше, и юноша твердо намеревался дойти до него – во что бы то ни стало!..

Солнце поднималось все выше, сильно припекая. Отвлечшись, Сакий засмотрелся на парящего в небе орла, который вскоре исчез так же быстро, как и появился, превратившись в черную точку в светло-голубой бездне...

Парень пошел дальше, ступая уже осторожнее, вглядываясь в каждый куст. Дикая яблоня, ветви которой свисали от тяжести мелких, но спелых плодов, пленяла нежным, сладким запахом. Сакий приблизился к дереву и сорвал несколько яблок. Прямо на середине одной из крупных веток он заметил пчел, тесным роем обложивших большую часть ветви. Юноша улыбнулся. «У каждого живого существа есть своя жизнь, непохожая ни на что другое!» – задумался он.

Положив яблоки в небольшой мешок из овечьей шкуры, висевший у пояса, парень вынул оттуда маленький глиняный сосуд и, выпив воды, продолжил путь.

Шел Сакий довольно быстро и, как ему казалось, времени прошло не так уж и много. Внезапно в нескольких шагах от него что-то мелькнуло в воздухе, но сразу же упало. Юноша мигом спрятался за дерево.

Царила тишина. Больше не было никакого движения.

Осторожно, с ножом в руке, молодой скиф приблизился к кусту и увидел, что прямо в зарослях лежит бьющийся в агонии горный козел со стрелой в горле. Трава вокруг была запачкана кровью, широкой струей вытекавшей из раны.

Сакий вздрогнул. Сердце его бешено заколотилось. В голове молниеносно пронеслась мысль: может быть, не он один решил здесь сегодня поохотиться?..

Но, осмотревшись внимательно по сторонам, юноша убедился, что вокруг никого нет. Все это начало раздражать его, и чувство страха уступило место внезапно появившейся злости. Он понял, с какого приблизительно места была пущена стрела, хотя еще остерегался пойти в том направлении. Крепко сжимая нож в руке, парень стоял как вкопанный...

Сакий решил переждать. Но через несколько секунд ему надоело стоять не шевелясь, и, подойдя ближе к уже бездыханному животному, он осторожно дотронулся до стрелы. В тот же миг боль в спине – острая, стремительно проникшая в грудь, – не дала ему даже вздохнуть.

Сакий упал на колени, пытаясь ртом глотнуть хоть немного воздуха, но от этого боль стала еще острее. Он старался не выпускать нож из руки, другой держась за сердце. Попробовал оглянуться назад, но не смог этого сделать.

Все померкло перед глазами, и Сакий упал лицом вниз.

Глава четвертая

– Поймали одного из них! Лисиппа с Аэллой поймали! Он живой, вот только не шевелится, – испуганно прошептала Гармонии ее задушевная подруга, рыжеволосая Лика.

– Ты видела сама? – взволнованно спросила Гармония. Девушку с утра терзали предчувствия, что сегодня непременно произойдет какая-то неприятность.

– Его убьют! – пугливо оглядываясь, продолжала Лика, словно не услышав вопроса. – Так сказали, я слышала!..

– Я хочу увидеть его прежде, чем это случится. Один из них убил мою мать, ты знаешь... Мне хочется взглянуть ему в глаза! – будто говоря сама с собой, гневно заявила Гармония. – И мне не жаль его!..

Неожиданно по ее щекам потекли слезы.

Подошла Грина, на ее лице сияла довольная улыбка.

– Слышали?.. Нам покажут его до того, как убьют! Вот повеселимся!

Гармония взглянула на нее и ничего не ответила. Она не могла радоваться, как Грина, хотя очень этого хотела.

Все три амазонки направили взгляды на хижину, в которую бросили пленника. Мысли, пронесившиеся в голове каждой из девушек, были такими разными... как, впрочем, и они сами.

Сакий открыл глаза. Было темно. Он бессознательно дернулся, пытаясь встать на ноги, но не смог даже шевельнуться от ужасной ноющей боли в спине. Ему было тяжело дышать. Руки и ноги оказались связанными жгутом, скрученным из какого-то растения.

Юноша попробовал избавиться от уз, но жгут лишь сильнее впился в кожу. Даже малейшее движение вызывало нестерпимое жжение во всем теле.

После нескольких попыток парень отчаялся: боль лишь усилилась, а веревка из травы немилосердно натирала и жгла кожу так, что та начала кровоточить. Словно адский пламень распространялся по всему его существу...

Сакий понял, что отравлен, – только яд мог вызывать такие страдания. Сознание его мутилось. Он закрыл глаза. Медный привкус на языке создавал нестерпимое, сводящее с ума чувство тошноты. Что-то теплое и сладковатое заполняло его рот. Он попытался выплюнуть, но влаги не убавлялось. Сакий понял, что это кровь... Его собственная! Он кашлянул, отчего крови во рту прибавилось еще...

Парень почувствовал сильную боль в голове, из глаз невольно потекли слезы. Закрыл их, но легче не стало. Он держался изо всех сил, не желая, чтобы его вырвало, хотя жгучий ком подкатил уже к самому горлу.

Терпеливо, едва справляясь с собой, Сакий начал осторожно сплевывать тошнотворную жидкость. Глаза были полны слез, и это мешало ему осмотреться. Он немного приподнялся и переместился к стене. Прислонившись к ней, стиснул зубы, пытаясь хоть как-то ослабить головную боль.

Юноша подумал, что это и есть смерть – навязчивая, проникающая в каждую частичку тела и мыслей...

Дверь в хижину открылась, и яркий дневной свет привел с собою неожиданных гостей. Это были две амазонки: одной из них было не более шестнадцати, вторая же, весьма воинственного вида, выглядела вполне взрослой.

– Напой его! – приказала Аэлла юной Энии.

Но та, увидев молодого чужака, чуть не выронила кувшин из рук и попятилась к двери.

Сакий сидел у стены и тяжело дышал. Вся его грудь была залита кровью, медленно стекавшей из уголков рта.

Эния задрожала всем телом и чуть не расплескала содержимое кувшина.

– Ах, девочка! Ну давай же, я помогу тебе, – недовольно проворчала Аэлла.

Решительно подойдя к пленнику и схватив его за волосы, она резко приподняла бедняге голову.

– Подойди, – с долей насмешки обратилась она к девушке. – Вот дурочка... Да не в состоянии он кусаться! – расхохоталась Аэлла, видя, что Эния не может справиться со страхом.

Та наконец решилась и подошла к юноше ближе. Она приложила сосуд к его запекшимся от крови губам.

Сакий простонал и попытался сделать глоток. Кровотечение усилилось. Он выплюнул теплую соленую влагу и снова прильнул губами к кувшину. Потом, вдруг вспомнив, что недавно его так же заставили что-то выпить, после чего ему и стало настолько плохо, он замотал головой.

Энию затрясло еще больше, и, не выдержав, девушка присела рядом с ним.

– А ну-ка спокойнее, девочка! – предостерегающе произнесла Аэлла. – Успокойся и дай ему еще немного воды. Пусть напьется вволю. Сердце даже заболело: совсем молодой... Посмотри на него, Эния, – вот так выглядит враг, запомни! Но ты не гляди на меня, их жалеть нельзя! Милая моя, как только дашь слабину и зазеваешься – так он уже у твоего горла с острым ножом!.. Да, немало такие вот заступниц убили, Эния, немало, – нахмурившись, закончила свою речь Аэлла.

Видя, что парень по-прежнему сжимает зубы, отказываясь пить из кувшина, амазонка резко схватила парня за подбородок и попыталась открыть ему рот.

Не будучи в силах сопротивляться и дальше, Сакий сделал еще несколько глотков. Стало легче. На вкус это была не совсем вода – он ощущал что-то травяное, теплое, успокаивающее...

Жжение стало отпускать. Вслед за наступившим облегчением непреодолимо захотелось спать. Юноша даже не почувствовал, как погрузился в сон, уткнувшись лицом в колени.

Когда Сакий вновь открыл глаза, рядом уже никого не было. Его снова начала мучить жажда. По-прежнему было темно, только теперь уже наступила ночь: Сакий понял это по прохладе, скользкой по спине, а потом постепенно распространяющейся по всему телу. Он заметил, что руки и ноги сильно затекли, но не почувствовал боли в тех местах, где прежде натерли путы.

Юноша перевернулся на спину. Яркий лунный свет пробивался сквозь соломенную крышу. Он прислушался: снаружи доносились голоса... Только женские, звонкие. А еще раздавался смех, радостный гул...

Он стал припоминать девушку, которая принесла ему воды. А еще ту, которая, видимо, была главной. Сакий ничего не понял из разговора: говорили на неведомом ему языке. «Может, они отпустят меня? – подумал парень, но, следуя некому внутреннему чутью, сразу же отпустил в бездну эту маленькую светлую надежду. – Они убьют меня, это уж точно! Матушка, прости!»

Сакий представил себе мать – растерянную, ошеломленную, не верящую, что случилась беда. Он словно видел, как она сидит у окна и по обыкновению ждет его с такой большой любовью в глазах, будто видит в нем весь мир.

«Как же я сплеховал! Попался, да так глупо...» – сквозь слезы и душевную боль укорял себя юноша. Догадываясь, что люди, похитившие его, скрываются, молодой скиф был уверен, что они не простят ему нарушение их покоя...

Сакий с трудом поменял позу и постарался лечь на бок.

Двое воинов караулили пленника снаружи.

– Пусть выспится. Я связала его настолько крепко, что он вряд ли сможет пошевелиться... так что ничего другого ему не остается, – сообщила Мирине Аэлла.

– Нужно решить, что для нас выгоднее, – задумчиво произнесла предводительница. – Убить мы его всегда успеем. Хорошо бы разведать, сколько человек живет в том селении, и есть ли у них воины. Я знаю их язык достаточно хорошо и думаю, этот несчастный от страха выложит нам все как на духу.

С этими словами Мирина открыла дверь в хижину и вошла. Лисиппа с Аэллой последовали за нею.

– Не перестаю тебе удивляться, Аэлла! – расхохоталась предводительница. – Как же ты дотащила сюда такого здоровяка! – Она с любопытством разглядывала юношу.

– Что скрывать, мне помогала Лисиппа, а ты ее знаешь: она с тремя такими справится. Злости в ней хоть отбавляй – оттуда и сила! – с довольной улыбкой ответила та.

Она подмигнула Мирине и похлопала Лисиппу по плечу. Обе – и Аэлла, и предводительница, – смеясь, смотрели на хмурую амазонку. Ее же взгляд, полный ненависти, был устремлен на Сакия.

– Спроси у него что-нибудь, заступница! – воскликнула Лисиппа.

– Как тебя зовут? – обратилась Мирина к парню на языке скифов.

Сакий с ужасом в глазах разглядывал этих женщин с коротко остриженными волосами, одетых в короткие то ли туники, то ли доспехи, выкроенные из кожи и меха... Внезапно, услышав родную речь, он приподнялся.

– Сакий, – тихо проговорил юноша.

– Сакий? – переспросила Мирина. – Откуда ты, Сакий?

– Из селения, что у подножия горы, – нехотя ответил он и отвел взгляд.

Парень был глубоко удивлен, что чужеземка так хорошо говорит на его языке.

– А что, Сакий... кто у вас там живет?... – подойдя чуть ближе и присев на корточки, продолжила Мирина. – Воины, армия? Есть ли оружие?... Расскажи-ка нам подробно.

Он посмотрел амазонке в глаза, будто пытаясь прочесть ее мысли. Странно, но юноша вдруг перестал чувствовать страх.

Мирина приподняла бровь.

– Сакий, ты понимаешь меня? Я спросила, есть ли воины в вашей деревне. Отвечай не задумываясь!

– Да, есть, – коротко проговорил Сакий.

Он солгал. Приблизительно догадавшись о намерениях чужаков, юноша понял, что его деревне грозит опасность, и решил, что это самый подходящий ответ.

– Много ли? – спросила Мирина.

– Около двух тысяч пеших... и конные, – уверенным тоном ответил Сакий.

Парень старался выглядеть убедительным, хотя понимал, что удастся это ему плохо.

– А что воины там делают?... По какой причине они не в столице? – продолжала допытываться Мирина.

– Я... н-не знаю... – Сакий постепенно терялся, сдаваясь под напором спокойного, но пристального взгляда главной амазонки. – Так распорядился царь, – добавил он нерешительно.

– И сколько же времени воины находятся в селении? – спросила Мирина снова. Она склонила голову набок и прищурилась, разглядывая лицо юного скифа.

Повелительница уже почувствовала: что-то не сходится в ответах пленника.

– Около месяца, – выдохнул Сакий.

Он откашлялся и выплюнул немного крови.

– Ему уже лучше, – обратилась Мирина к стоявшим рядом амазонкам. – Но жаль, что это ненадолго, – покачала она головой. – Лисиппа... надеюсь, он проживет еще хоть пару дней, пока мы не узнаем правду.

– Думаю, что и сегодняшнего дня ему достаточно! – чуть не хрипя от ярости, ответила та. – Пусть только посмеет о чем-то умолчать... Уж я-то точно знаю, как развязать ему язык! – Лисиппа едва удерживалась, чтобы не наброситься на пленника и не задушить.

– Тише, держи себя в руках, – спокойно промолвила Мирина и вновь обратила взгляд на пленника. – Что ж, продолжим наш разговор, – снова заговорила она по-скифски. – А чем занимаешься в деревне ты?

– Я пастух, – тихо ответил Сакий, почувствовав, как сильно забилося сердце.

Он заметно смутился и покраснел, вспомнив опять, как по собственной глупости попал в плен.

– А где же твое стадо, пастух? – усмехнулась Мирина.

– Я попросил товарища присмотреть за ним, а сам пошел прогуляться...

Юноша силился успокоиться, решив, что опасная часть разговора осталась позади.

– Он лжет или чего-то недоговаривает! – сказала Мирина амазонкам. – Сразу видно: смысленный парнишка!

– Заставить его сказать правду? – еще больше разгневалась Лисиппа.

– Нет, постой. На сегодня хватит, – решила предводительница. – Да и мы устали... Нужно выспаться, а завтра уже решим его судьбу. Никуда скиф не денется, все расскажет. Тысяча!.. Две тысячи!.. Да еще и пешие, и конные!.. Что вынудило их царя послать почти целое войско в какую-то деревушку?.. Да нет, он точно солгал: нет там никого. Посмотрите, какой врунишка! Еще и в глаза старается прямо смотреть! – рассмеялась, взглянув на Сакия, Мирина.

– Убить его, прямо здесь и сейчас! И взгляд какой нахальный! – не успокаивалась Лисиппа. – Мерзавец, думает, что умнее нас! Выбить ему мозги и глаза выколоть! – выпалила она и, схватившись за нож, рванулась к Сакию.

Мирина преградила ей путь.

– Ну что ты, Лисиппа, я же попросила тебя! – мягко вымолвила предводительница. – Всему свое время. Держи себя в руках, дорогая, нельзя же так. Ты напоила мальчишку таким отваром, что ему, во всяком случае, уже не удастся выжить... Поэтому успокойся.

– Лучше сначала глаза выколи, а потом от мозгов избавляйся, – пошутила Аэлла, пытаясь смягчить напряжение. – Смотри, Лисиппа, тебя он боится больше всех, – продолжала она весело. – Знает малый, кто любит кровь молоденьких красавцев!

Мирина и Аэлла начали безудержно смеяться. Даже Лисиппа, отведя взгляд от парня, криво улыбнулась.

Сакий же продолжал внимательно разглядывать женщин, стараясь не упустить из виду ни одну мелочь. Он не мог ничего понять из их речи, хоть и пытался вслушиваться в каждый звук. Но не было ни одного знакомого слова... ни единой зацепки. Лишь по выражению их лиц юноша понял, что враги ему не поверили и теперь просто глумятся над ним.

Амазонки же, не обращая на него внимания и продолжая перешучиваться, вышли из хижины.

Сакий снова попытался пересечь на другое место. Там, где он лежал, образовалась огромная лужа из его собственной почерневшей крови, которая уже начала источать зловоние. Наконец ему удалось отползти в противоположный угол хижины.

Странная тяжесть сковывала его тело невидимыми цепями. Сквозь щель в стене он силился хоть что-то увидеть, но заметил только небольшие костры неподалеку.

«Они явно боятся быть замеченными, – размышлял Сакий. – Ни ржания лошадей, ни лая собак! Не слышно ничего, кроме людских голосов! Кто эти чужеземцы, откуда и зачем они пришли? Уж явно не с добрыми намерениями!»

Приходившие женщины произвели на Сакия неизгладимое впечатление своим диковинным видом. Одежда, манера поведения, даже длина волос!.. Все было не так, как в привычном для него мире.

«Интересно, много ли их?.. То, что загадочные гости готовятся напасть на деревню, несомненно, иначе зачем этой женщине расспрашивать меня?.. Вопрос лишь – когда?.. О нет! Неужели сегодня? – терялся в догадках парень. – Они всех уничтожат! И матушка ведь там... Что же делать?.. Как мне предупредить людей? Ведь поселение не охраняется, если не считать двух дозорных, которые и драться-то толком не умеют... А у этих разбойников есть какое-то особенное оружие – то, чем они отравили меня!.. Дух Таргитая, предка нашего, помоги!» – взмолился мысленно юноша.

Он снова начал глядеть в щель, но так ничего и не заметил.

«Где же мужчины?.. Почему их не видно и не слышно?.. Неужели они уже спустились в деревню? Если так, что мне делать? Матушка, матушка!..»

Сакий погружался в отчаянье. Чувство безысходности душило его. Мрачные предположения заставили забыть о телесной боли. Юноша метался по хижине. «Я не смогу выбраться, не смогу!»

Сакий вновь попытался освободить запястья рук, но они так крепко были связаны, что все его попытки оказались тщетными. Напротив, путы, скрученные из неведомой травы, впились в раны еще сильнее. Только сейчас парень заметил, что он к тому же босой. «Вот разбойницы!» – еще больше огорчился он.

Подумав было о ноже, юноша сразу же вспомнил, что в момент удара оружие было у него в руке.

Оглянувшись, Сакий не обнаружил рядом ничего, кроме в беспорядке разбросанных листьев.

Глава пятая

Луна вступила в свои права, окутывая лес таинственным светом. Все амазонки разбрелись по хижинам.

– Аэлла, нужно мальчишку немного подпоить завтра еще. Как только начнет умирать, расскажет всё без утайки! – злилась Лисиппа.

Сидя со своей соратницей у костра, она усердно точила нож о камень.

– Где твой лабрис? Давай и его наточу.

– Нет, Лисиппа, он и так скажет правду. Трясется, словно лист на ветру! – хихикнула Аэлла, протянув подружке маленький топорик. – Покажись ему только завтра со своим милым дружкой – и дело, глядишь, готово!

– Не нашутилась еще? – грозно посмотрев на нее исподлобья, рассердилась та. – Я тебе о чем говорю: давить их всех надо, а тело его разрубить на куски да подбросить в то дремучее болото, где этот выродок на свет появился... Пусть дрожат от страха!

– Посмотрим, что скажет Мирина. Пусть решит заступница, – устало ответила Аэлла.

Она давно уже привыкла к приступам презрения и ненависти, которые посещали Лисиппу каждый раз, как только разговор касался мужчин. В таких случаях подружка мигом превращалась в злобную мегеру.

– Решать надо быстрее!.. Ведь парня наверняка уже хватились. А что, если они придут ночью, когда мы меньше всего этого ожидаем?.. Как сможем защитить людей? – Лисиппа, не переставала с остервенением проводить острием ножа по камню.

– У нас день в запасе, а может, и два, – возразила ей подруга. – Я думаю, Мирина права: нет в их деревушке никого. Только свои же, простые земледельцы. Скифа можно разговорить. Если селение пусто, то никакой опасности он не представляет. Да они наверняка решат, что этот безмозглый мальчишка сорвался в ущелье!.. Помню, еще в детстве, когда мы были здесь в первый раз, схватили одного бедолагу. Недалеко отсюда. Забрел несчастный на свою погибель! Такой же пастух, но только настоящий, со стадом! – расхохоталась Аэлла. – А нынче у них, видно, пастухи самих себя пасут, – не успокаивалась она. – Ладно, пойдем отдохнем. Завтра все выяснится. А парень ведь и умереть мог – слишком много ты дала ему яду!

И Аэлла поднялась на ноги.

– Иди, а я закончу с этим, – буркнула Лисиппа, угрюмо кивнув на горку лабрисов – двусторонних топоров, которые были ее излюбленным оружием.

Сакию не спалось. Он пытался устроиться удобнее, но путы, сильно впивавшиеся в кожу, точно срослись с нею и снова начали причинять ему дикую боль при малейшем движении.

Мрачные мысли не давали парню покоя.

«Где же мужчины?.. Пока я видел только женщин! Но кто-то же перенес меня сюда! А может, чужеземцы уже в деревне? – Сакию стало дурно от этой мысли. – Они точно уже там! Воины в нашем селении!»

Его сердце сжалось и забилося еще тревожнее. Юноша представил себе родную деревню, заваленную убитыми соплеменниками, каждого из которых он знал в лицо. А еще мать! «Магушка! Что с нею, жива ли она еще?.. Да, наверняка сейчас эти варвары устроили там настоящую резню, а женщин оставили здесь!»

Сакий уже не обращал внимания на боль в руках – он перестал ее чувствовать. Попытался перекусить одну из нитей веревки, но та не поддалась. Парень начал резко наклоняться из стороны в сторону, пытаясь ослабить путы на ногах...

Все было бесполезно.

«Они убивают там мою мать, а я сижу здесь!»

Невыносимо тягостное чувство заполняло всё существо юноши в некой уродливой форме и, казалось, давило прямо на грудь изнутри, пытаясь вырваться наружу. Он начал дышать чаще, чувствуя, что ему уже не хватает воздуха...

Сакий понимал безнадежность своего нынешнего положения. «Как же мне выбраться? О Папай и Апи, помогите!» – взмолился парень, мысленно обращаясь к прародителям скифов – божествам, давшим, по поверью, жизнь его народу.

Он снова и снова пытался освободить кисти рук. Кожа начала кровоточить – место, где сидел юноша, было покрыто алыми пятнами. «Я!.. Я виноват! Будь я более зорким, то успел бы предупредить людей о наступлении врага... или хотя бы сражался и умер в бою, нежели мучился бы в бездействии!»

Сакий упал лицом на грудь листьев и забылся...

Неожиданно раздался скрип. Дверь в хижину отворилась.

Парень поднял голову. Лунный свет на мгновение ослепил его. Он зажмурился. Кто-то вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

В полумраке юный скиф разглядел женский силуэт. Девушка подошла ближе и наклонилась. В руках у нее был факел, освещавший бледное личико с грустными, широко раскрытыми, по-детски доверчивыми глазами.

Сакий с удивлением и испугом смотрел на нее.

– Они уже там? – спросил он, приподнявшись. – Скажи мне: ваши воины уже спустились в деревню? – повторил в отчаянии пленник свой вопрос.

Девушка, приблизившись еще ближе, поднесла факел к его лицу. Она сосредоточенно глядела Сакию в глаза, ничего не отвечая.

– Убийца! – тихо, со слезами на глазах неожиданно заговорила она на языке скифов.

Сакий замотал головой.

– Нет, ты ошибаешься! Я никого не убивал! Прошу: помоги мне освободиться... Я должен спасти людей! Мою мать... – Он четко выговаривал каждое слово, спеша, теряясь и дрожа от нетерпения. – Ты понимаешь меня?.. Скажи! Ведь ты понимаешь! Я не убийца, клянусь тебе золотой чашей, я никого не убивал!

Девушка, будто очнувшись от забытья, резко отпрянула.

– Не уходи, не уходи, постой! – шепотом взмолился Сакий. – Я понял: кого-то из ваших людей убили, и вы решили, что это я?.. Но это не так! Люди в деревне ни в чем не виноваты. У нас нет золота. Останови воинов, если они еще здесь. Позови главного! Кто у вас военачальник... царь, вождь... кто?.. Мне нужен он! Девочка, мне нужно поговорить с ним!

Сакий попытался сложить ладонь к ладони перевязанные руки на груди, умоляюще глядя на девушку. Та же растерялась еще больше.

– Ты понимаешь меня? – спохватился вдруг Сакий, решив, что слишком быстрая его речь, возможно, звучит непонятно.

Гармония, будто и не слыша ничего, смотрела пленнику в глаза. Она понимала (хотя и не полностью) смысл его слов: все амазонки должны были владеть либо греческим, либо скифским языком. Это было железным правилом: знать язык врага означает видеть все его мысли.

Потому в детстве она (а вместе с нею еще несколько девочек) обучилась речи скифов у пленника, схваченного в одном из сражений. Прожив у них более года, он решил совершить побег с одной из амазонок. Их обоих жестоко наказали: красавицу Агаву повесили, а скифа до этого напоили ядом. Тот умер на глазах у своей несчастной возлюбленной и всего народа, корчась от боли и истекая кровью. Амазонки не прощали предательства!

Вот и теперь, глядя на лужу крови, чувствуя ее запах, знакомый с детства, Гармония начинала заболеть, заранее зная, что ждет пленника завтра. Они уже не могли не распра-

виться с ним, от парня не было толку, и наверняка с самого утра начнутся пытки – ужасные и нескончаемые.

– Ах, если бы Лисиппа не дала тебе яду, возможно, они оставили бы тебя в племени! – с сожалением в голосе сказала она Сакию.

– Что?.. Я не понимаю тебя! Оставить меня здесь?! Но я не хочу этого! Милая, я говорю тебе о людях, которые нуждаются в помощи... Ведь ты знаешь, понимаешь! Молю тебя, ответь: ваши воины уже спустились в деревню?.. Сжался, девочка, ведь там старики, дети! – снова взмолился юноша. – Там моя мать. Они убьют ее! Ведь и у тебя есть мать, ты поймешь!.. Ты понимаешь!

Сакий не мог уже сдерживаться, и слезы потоком хлынули из его глаз.

Гармония вздрогнула.

– Моя мать?.. – прошептала она с болью в голосе. – Но ты... Такой, как ты, убил ее! Все вы одинаковы! Каждый из вас убийца! – вскричала она и стремительно вышла из хижины, не оглядываясь.

Когда дверь захлопнулась, Сакий, вконец отчаявшись, стал ломать руки, даже не заметив, что раны вновь закровоточили. Парень еще долго смотрел на дверь, пытаясь понять, вспомнить – чем же, какими словами он мог задеть чувства той девушки?.. Ее слова, эти глаза... Что это было?.. Неужто видение?..

На мгновение юноше почудилось, что он вновь видит перед собой полудетское лицо и глаза, полные неведомой боли. Да, словно из мира снов и грез спустилась эта девушка! Пришла, чтобы еще больше запутать, увести с собою в то пространство ночи и света, где они, переплетаясь и растворяясь, создавали совершенно новый цвет, видимый лишь закрытыми глазами.

Глава шестая

Атей ждал Сакия, уже не обращая внимания ни на стадо, ни на позднее время.

Он не раз слышал звук рожка, призывающего пастухов спуститься в деревню. Мужчина в беспокойстве то и дело поднимался на небольшой пригорок, пытаясь увидеть на дороге, ведущей выше, возвращающегося юношу.

Но надежда была тщетной – того не было. Атей чувствовал: случилось что-то неладное, то, чего он так боялся... и в этом виновен только он сам!.. Покачивая головой, пастух старался гнать мрачные мысли прочь.

Вот и луна взошла.

– Атей, ты что, не слышишь?! – К нему подошел Палак, один из пастухов. – Давно пора в деревню! Все спустились, кроме тебя и Сакия.

– Сакия нет, – угрюмо, смотря в пустоту, ответил мужчина и опустил голову.

– Как нет?.. А где же он? – удивился Палак.

– Я отпустил его еще утром на гору. Очень уж просился... И он до сих пор не вернулся, хотя обещал, – пытался оправдаться пастух, теребя в руках шапку.

– Отпустил?! На гору? А стадо?..

– Стадо здесь. Я присмотрел за скотом. Но парня нет. А вдруг сорвался?..

Атей горестно смотрел на товарища.

– Да не может такого быть, Атей, что ты! Может, заблудился?.. Не переживай, дружище! – сказал Палак и попытался улыбнуться.

– Палак, оставим стадо и пойдем на гору! – неожиданно предложил Атей решительным голосом.

– Ночью?! Ты в своем уме? Мы сами либо заплутаем, либо сорвемся... Да не горюй ты так! Он смысленный малый – решил, видать, переночевать в лесу, а завтра мигом найдет дорогу обратно! – проговорил Палак неуверенно.

– Слышишь? – прислушался Атей.

С горы явственно доносился вой волков, полный тоски. Одна из овец заблеяла – сразу же подхватили остальные. Крик пастухов и звук рожка еще раз напомнили пастухам, что пора собираться домой, в деревню.

– Друг мой, опасно тут оставаться, пошли! – засуетился Палак.

Пастухи начали торопливо подгонять стадо.

Никто в селении не подозревал о случившемся. Атей послал мальчишку в дом Сакия, и тот успокоил его мать, сказав, будто парень остался ночевать у них.

Но в этот вечер Бахтасау как-то особенно нетерпеливо ждала сына. Каждый раз, когда он уходил, сердце ее начинало тревожно биться. Женщина знала его натуру, неугомонную и отчаянную. Даже в детстве не было и дня, чтобы Сакий не подрался или же не упал, разодрав в кровь коленки. Но она никогда не бранила его, а лишь обнимала, нежно глядя по голове.

И вот сегодня с наступлением сумерек женщина, как обычно, приготовив ужин, сидела у окна и молилась за сына. Пришедший сын Атея расстроил Бахтасау окончательно. Она попросила его подождать, сняла котелок с едой, который только что поставила на огонь, чтобы согреть, накрыла сверху лепешкой и протянула мальчику.

– Сакий очень любит вареную пшеницу с мясом и овощами. Вот, сегодня приготовила. Отнеси ему, сынок, пусть поест. И сами угощайтесь, здесь всем хватит... – улыбнулась женщина. – Да скажи, пусть утром зайдет домой, прежде чем выйдет с пастухами. Передай, что я буду ждать, не забудь, малый. Да, подожди еще! – спохватилась она и бросилась к нише в стене. – Это рубашка на ночь, пусть переоденется.

Мальчик, взяв котелок и одежду, быстро убежал. Бахтасау долго еще смотрела ему вслед. Парнишки давно уже не было видно, а она все стояла, не торопясь закрыть дверь.

Затем мать Сакия опять села у окна и начала молиться. Она верила, что богиня огня Табити ее слышит...

Многочисленная семья Атея уже давно сидела за столом и ужинала. Сам хозяин был угрюм. Не проглотив ни единого куска и даже не посмотрев на еду, он пошел спать, хотя мысли о Сакии не давали ему покоя.

Пастух долго размышлял о путях поиска парня, но волнение и усталость все-таки повергли его через некоторое время в сон.

В деревне воцарилась тишина. Не спали лишь сторожа, которые смотрели за стойлами со скотом, и мать Сакия.

Она так и не легла. Накинув платок, женщина продолжала сидеть у окна. Ей очень хотелось пойти к Атею и увидеть сына... убедиться, что с ним всё в порядке. Она не могла понять, почему Сакий не пришел ночевать домой. Не давало покоя странное предчувствие...

Свеча одиноко горела рядом с женщиной с такой же надеждой – временами потухая, но сразу же воспламеняясь с еще большей силой, как и ее сердце.

«Мое дитя, расти быстрее, улыбкою печаль мою развей!» Бахтасау вспомнила колыбельную, которую напевала Сакию в детстве. Ее глаза блеснули слезой.

Глава седьмая

Дверь в хижину неожиданно распахнулась вновь.

Сакий вздрогнул. Словно из мрака ночи, появилась та же девушка и подбежала к нему. В ее руке был нож... Парень сначала не поверил глазам. Дальше все произошло настолько быстро, что он только безмолвно подчинился.

Девушка быстро перерезала веревку на запястьях пленника и всего лишь на мгновение остановила взгляд на ужасных ранах, которые уже превращались в язвы. Сакий же обрадовался и, как только освободил руки, быстро выхватил у своей спасительницы нож и принялся перерезать остальные путы.

Расправившись и с ними, юноша вскочил на ноги, не рассчитав, что они затекли, да и вообще еще слишком слабы. И тут же упал, не выдержав собственной тяжести.

– Это действие яда... но ты должен поспешить. Во что бы то ни стало. Постарайся, – прошептала Гармония.

Она помогла пленнику встать. Держась за хрупкое девичье плечо и еле волоча ноги, Сакий вышел из хижины. Вдохнув полной грудью ночной воздух – прохладный и немного сырой, – он почувствовал прилив сил. То была вернувшаяся надежда, освещающая собой все вокруг...

– Постарайся не шуметь, – поспешила предупредить его Гармония. – Три воина с трех сторон охраняют наше селение. Однако я знаю, как ты сможешь выбраться.

– Спасибо!.. Спасибо тебе. Ты спасла меня! – торопливо повторял юноша, безмерно благодарный ей.

Сакий был так счастлив, что не обращал внимания ни на боль во всем теле, ни на слабость в ногах. Единственное, что заботило его сейчас, – это поскорее обрести свободу и добраться до родного селения.

– Нет там воинов, не волнуйся, – Гармония видела опасение на лице молодого скифа. – Можешь быть спокоен. Только обещай, что не расскажешь про нас своим сородичам. Дай мне слово! Никто не должен знать, что мы здесь.

– Но вы... Вы же хотите напасть на деревню? – нерешительно спросил Сакий, робко взглянув на девушку.

– Нет там наших воинов! – повторила Гармония. – И нападать на вас мы не будем. Но ты должен молчать, никому не рассказывай, что был здесь. Обещай мне! Во имя Артемиды, обещай... Поклянись! – настаивала она.

– Клянусь! – искренне пообещал Сакий, посмотрев в ее глаза. – Я никому не расскажу о вас. Клянусь тебе, моя спасительница! – еле слышно снова произнес он и радостно улыбнулся.

– Я верю тебе... убийца, – прерывающимся от волнения голосом ответила Гармония.

Сакию стало не по себе. Эта девушка казалась ему весьма странным существом: рискуя собой, пришла ему на помощь... считая его убийцей, помогает сбежать из плена... Более не возражая и еле передвигая ноги, юноша всецело доверился спутнице.

Гармония провела Сакия прямо рядом с хижинами. Парень успел заметить, что их достаточно много, но построены они не в определенном порядке, как он привык видеть в своем селении, а вразброс и словно наспех.

Луна светила беглецам в лицо, разоблачая, обнажая чувства и мысли, которые они оба переживали в данный миг. Вдруг Гармония схватила юношу за руку.

– Кто-то идет, прячься! – шепнула девушка.

Они быстро скрылись в пустой хижине, заваленной обломками деревьев.

– Это дозорный. Проверяет округу, – пояснила девушка.

– Женщина? – удивился Сакий, успевший разглядеть во тьме смутный силуэт.

Гармония посмотрела на него еще более удивленно.

– Тише, – прошептала она, насторожившись.

Арето с топором за спиной прошла мимо них. Они ясно видели ее. Девушка, затаив дыхание, крепко держала руку Сакия. Он посмотрел на нее, пытаясь разглядеть ее лицо.

– Она ушла, но может вернуться, – провожая взглядом амазонку, с тревогой сказала Гармония. – Нам нужно немного переждать здесь.

– Но скоро начнет светать, мы можем не успеть выйти! – возразил Сакий.

– Успеем! – рассердилась девушка, но вдруг, внимательно присмотревшись к нему, смягчилась. – Ты весь в крови. Тебе было больно, не так ли?.. Очень больно?..

– Да уж, такого я еще не испытывал, – усмехнулся Сакий.

– Еще больнее будет мне, если они узнают о том, что я сейчас делаю, – печально вздохнула Гармония и, опустив глаза, перестала сжимать его ладонь.

– Как они могут узнать? Нет... Я не подумал об этом совсем. Но что же делать?.. Скажешь, что это не ты. Поклянись... ну, как ты там ее называешь... этой вашей богиней.

– Артемиде известно все... И они узнают! – Гармония сжалась в комок и едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Словно горячая волна хлынула на Сакия. Лоб его загорелся адским огнем.

– Веди меня обратно, – решительно сказал он.

Девушка подняла на него глаза, полные муки.

– Обратно?! Куда?..

– В хижину, где я сидел. Никто и не догадается о том, что ты сделала. Я не хочу, не желаю такой жертвы!

– Пора! – не слушая юношу, заявила Гармония.

Она смотрела на дорогу, ведущую в самую дикую часть леса – к откосам.

– Отсюда ты пойдешь один, – торопливо проговорила девушка. – Но там очень опасно, не забывай об этом. В темноте, не видя тропы, можно сорваться в ущелье. И волки... Много волков! Ты должен быть очень осторожным, чтобы выжить. Да, возьми еще это! – Она достала из-за пояса нож с коротким лезвием и протянула его Сакию.

– Я... я не пойду, – замешкался юноша. – Остаюсь! Будь что будет. Если вы не напали на деревню и не собираетесь делать этого, то я останусь у вас!

– Наши воины убьют тебя, если вернешься. Ты будешь долго умирать! Долго и мучительно... Иди! – прикрикнула Гармония и оттолкнула его. – Уходи отсюда, убийца! – гневно приказала она.

Сакий опустил голову. Он даже не сдвинулся с места.

– Они не узнают о моем предательстве... Ну, иди же! Смотри, светает! – Девушка уже умоляла.

Гармония приблизилась и с силою подтолкнула юношу. Они подошли к одному из откосов, который круто уходил вниз, в пропасть. Пройти по этой дороге, резко спускавшейся в бездонный овраг, казалось невозможным. Из-за густой растительности не было видно, где обрывается тропа, заваленная камнями.

Сакий не отрывал взгляда от своей спасительницы. Гармония же, ничего не сказав и даже не посмотрев на него, повернулась и стремительно побежала назад в лагерь.

Юноша еще некоторое время не двигался с места, глядя на постепенно удалявшийся силуэт таинственной незнакомки. Наконец он двинулся по направлению к дороге, все еще чувствуя слабость в ногах...

Пройдя немного, Сакий посмотрел вниз и понял, что с этой стороны горы тропа к деревне очень длинна и опасна. Парень стал цепляться за ветви деревьев, чтобы случайно не сорваться вниз, на каменистое дно лощины. Он чувствовал тяжесть во всем теле – оно повиновалось ему с трудом.

Сакий и сам не мог определить причину своего недомогания. Было ли это следствием отравления?.. Или же его терзали совесть и тревога за судьбу удивительной девушки, которая вопреки здравому смыслу помогла ему?..

«Соплеменники узнают и казнят ее!» – жуткая мысль засела в голове и теперь точно сверлила мозг. Непроизвольно Сакий повторял и повторял эти слова, словно наказывая себя, осуждая ими свое безволие. Предстать трусом даже при самых пустячных обстоятельствах было для юноши невыносимо. Еще с детства он более остро, нежели другие мальчишки, воспринимал случаи, где можно было показать свою храбрость. В отличие от многих сверстников, у него не было отца. Возможно, именно по этой причине Сакий не выносил, когда кто-то из мужчин селения называл его «сынком»...

Трусость, которую он не мог терпеть, жалость, которую он ненавидел! И вот теперь... ведь та девушка с детским личиком пожалела его. А он это принял, проглотил и теперь направляется домой, зная, что ее жизни угрожает опасность. Это робкое создание нашло в себе достаточно смелости остаться там, а он – нет!

Сакий остановился. Прислонившись спиной ко стволу дерева (который был настолько широк, что за ним могли бы остаться незамеченными по меньшей мере три человека), юноша присел на корточки. Он был зол на самого себя, на нелепую переделку, в которую его угораздило попасть...

«Может, вернуться?.. Это самое правильное решение! Нет... конечно же, я не могу позволить, чтобы ей причинили страдания из-за меня!.. Только не это! Я не стану трястись перед врагами, а мужественно приму волю судьбы!»

Вдруг внимание Сакия привлекла листва, покрытая росой. Ему захотелось пить. Только теперь юный скиф вспомнил, что не выпил и глотка со вчерашнего дня. Жажда сжигала Сакия изнутри. Он осторожно сорвал несколько листьев и принялся ловить губами кристальные капельки.

Юноша торопился, ведь первые признаки восхода солнца уже давали о себе знать едва заметными в воздухе золотистыми нитями. Так и не утолив жажду, он решил пожевать несколько листочков, но они были горькими и только усилили сухость во рту и горле.

«Нет, я не смогу... – подумал он снова. – Но хватит колебаться, прочь сомнения!»

Сакий понимал, что нужно идти дальше, но тяжелые, беспокойные мысли приковали его к этому дереву цепями убеждений, от которых он не собирался отказываться. Парень знал, что должен вернуться в то страшное место, где его явно не ждало ничего хорошего. Никогда еще не совершал он поступка более честного и отважного...

Лишь мысли о матери, об этой несчастной женщине, единственной радостью которой он являлся, омрачали ему душу. Однако и с тяжким грузом на совести Сакий не смог бы существовать. Он ясно видел это и был готов пострадать за свою правду.

Юноша поднялся на маленький выступ, посмотрел далеко на горы и с удивлением заметил, что никогда еще эти каменные великаны, покрытые зелеными коврами и окутанные голубоватой дымкой, не казались ему такими восхитительно живописными.

«Пора, Сакий, решишь и сделай это!» – обратился он к самому себе. – Нужно подумать над тем, как незаметно пробраться в эту проклятую хижину... А там можно сделать вид, что освободился от пут сам: разорвал или, на худой конец, смог перегрызть эту чертову веревку!»

Вдруг молодой скиф вспомнил про нож, который дала ему на прощание девушка. «Я даже имени ее не узнал! От страха все на свете позабыл! Настоящий трус, нечего и говорить!» Сакий печально улыбнулся. Он без всякого сожаления бросил нож вниз, в ущелье...

Через некоторое время юноша уже был во вражеском стане, у хижин. Он быстро пробрался в самую ветхую из них. Сквозь щель в стене Сакий увидел нескольких женщин с топо-

рами, собравшихся в круг. Они перекинулись парой слов и пошли к хижинам, стоявшим на противоположной стороне.

«Что это с их телами? – думал Сакий, заметив, что у всех женщин грудь справа совершенно плоская. – И у той девушки было так же. Может, это делается в наказание?.. Но как можно сотворить такое зверство?»

Юноша содрогнулся. «Что за жестокость, Аргимпаса, богиня звездного неба! Что же они могут сделать со мной, когда друг с другом так поступают?!»

Сакий тяжело вздохнул. «Не надо об этом думать... не стóбит! Я сам виноват во всем – теперь пора отвечать! Ей и так грудь отрезали неизвестно за какую провинность. А теперь еще и голову бы потеряла из-за меня! Будь мужчиной, Сакий! Полно трусить!»

И все же парня трясло от страха, хотя он ни за что бы на свете не признался в этом даже себе. «Где же мужчины этого племени, куда они все подевались?.. Девушка сказала, что воины не в деревне. Так где же?.. Может, на охоте? Но не все же сразу, дьявол их побери!»

Стараясь утихомирить волнение в груди, Сакий задержал дыхание. Но это не помогло. Подождав еще немного и убедившись, что поблизости никого нет, Сакий выбрался из своего убежища и осмотрелся. «Они почти одинаковы, эти лачуги! Где же та, куда бросили меня?» – подумал он.

Юноша никак не мог распознать среди хижин свою вчерашнюю темницу. Он решил спрятаться и подождать еще немного.

«Можно остаться и здесь. Рано или поздно они хватятся и найдут меня. Ждать недолго!»

Усевшись у груды мусора, Сакий снова начал наблюдать за жизнью этого племени, такого чуждого и пугающего.

Глава восьмая

– Гармония, пора вставать. У нас много дел сегодня, милая, – подойдя к лежавшей в углу на шкуре медведя Гармонии, тихо сказала Лика. – Ты спишь или уже проснулась?.. Гармония, слышишь?..

– Я и не спала вовсе. Но встать не смогу сейчас, Лика, я больна, – еле слышно ответила девушка.

– Нет, не верю. Вчера ты была совсем здорова, – возразила ей подруга и присела рядом. – Что изменилось за ночь?.. Где у тебя болит? Ах, я поняла! Возможно, ты просто ленишься? А ну-ка, покажи лицо! Признайся, уж не плакала ли ты снова? Думала о матери? – улыбнулась она и начала заплетать волосы девушки в косу.

Поскольку Гармония была на несколько лет младше, Лика относилась к ней с оттенком покровительства.

– О, я совершила ужасный поступок! Я... я выпустила его! – громко заплакала Гармония, уже не в состоянии сдерживаться.

– Что?.. Да тише ты! Что ты сделала, я не пойму? – удивленная Лика побледнела. – Кого выпустила? Отвечай же!

Внезапно ее осенило. Амазонка начала смутно догадываться, о чем идет речь.

– Неужели... того чужака? Нет-нет! Скажи, что я ошибаюсь! Гармония, не пугай меня... Прекрати плакать и скажи мне всю правду! – взмолилась Лика и взяла Гармонию за руку.

Та привстала, взглянула на старшую подругу опухшими и покрасневшими от слез глазами... и уткнулась лицом в ее колени. Лика поняла, что не ошиблась, и с ужасом в глазах схватилась за голову.

– Гармония, что ты натворила! Ведь теперь всем нам конец настанет, – до конца еще не веря в происходящее, прошептала девушка. – Я не понимаю, нет! Не верю! – словно осознав все, внезапно вскричала она и стала трясти Гармонию за плечи. – Ты погубила нас, понимаешь, погубила!

Юная амазонка рыдала. Она обмякла и, казалось, вот-вот лишится чувств. Обессилив, Лика отпустила ее и села подле.

– Гармония... Гармония, приди в себя уже! – словно бессознательно повторяла девушка. – Нам нужно что-то придумать!.. Перестань плакать и вытри слезы. Он не мог уйти далеко, ведь был отравлен. Попытаемся найти и вернуть скифа сами! – решила Лика. – Вставай и идем.

– Нет! – возмутилась Гармония и вскочила на ноги. – Нет. Я не хочу, чтобы его убили!..

– Но тогда убьют нас. Ты что, с ума сошла?.. Он доберется до своей деревни, и тогда их воины придут за нами. Ты понимаешь, что теперь уничтожат нас всех?!

– Он обещал! Он поклялся, что не скажет! Что не расскажет никому! – словно обезумев, повторяла Гармония.

– И ты поверила? Одному из мужчин... Ты поверила убийце? Куда ты его вывела, какую дорогу указала? Я пойду одна, – немного придя в себя и стараясь не быть услышанной, шептала Лика.

Девушка с ужасом смотрела на подругу. Только теперь она поняла, что, если парень действительно расскажет о них, то воины его селения могут напасть и истребить всех амазонок в лагере.

И во всем этом будет виновата только она!

– Он обещал, он поклялся... – из последних сил тихо произнесла Гармония.

Оттолкнув ее, Лика выбежала из хижины, но прямо на пороге столкнулась с Мириной.

– Что это с тобой? Куда так торопишься? – преградив ей путь, удивилась главная амазонка.

– Все хорошо, заступница... У нас закончилась вода, а тут Гармония... она нездорова, хочет пить, – дрожащим голосом ответила Лика. – Я быстро... Туда и обратно.

– Где Гармония? – Мирина почувствовала неладное и быстро вошла в хижину, где увидела забившуюся в угол и трясущуюся от беззвучных рыданий девушку. – Гармония, девочка, что случилось? – ласково обратилась она к ней.

Услышав голос предводительницы, Гармония вскочила на ноги и опустила голову. Улыбнувшись, Мирина подошла ближе и обняла ее.

– Вы повздорили?.. В чем дело, Лика? – не выпуская девушку из объятий, обратилась она к застывшей на пороге амазонке.

Та лишь испуганно смотрела на Мирину, словно потеряв дар речи.

Внезапно в хижину вбежала Арето.

– Повелительница, пленник сбежал! Его нет в хижине!

Ничего не сказав, Мирина бросилась наружу.

– Все!.. Ищите его! Ищите везде, отправляйтесь во все стороны! – отдавала она распоряжения воинам, которые сразу выстроились перед ней, готовые исполнить любой приказ своей госпожи.

– Он не мог уйти далеко! Мы должны найти его! – вторя предводительнице, восклицала Арето. – Каждый из вас знает, в каком направлении идти. Приготовиться!

Мгновенно разбившись на группы, амазонки уже ждали последних указаний, чтобы приступить к поискам.

Сердце Сакия бешено колотилось. Он следил за этим переполохом в нескольких шагах от своего пристанища, видел вооруженных женщин с изувеченными торсами и понимал: попадись им в руки – ему не избежать расправы.

«Мне нужно показаться, пока не догадались о ней!» – подумал юноша и решительно вышел из хижины.

– Он здесь! – заметив парня первой, вскрикнула Лисиппа. Она подскочила к Сакию, словно разъяренная тигрица, и со всей мощи ударила его кулаком по лицу.

Сакий упал навзничь. Кровь хлынула из его носа.

– Поднимайся, отродье! – завопила Лисиппа.

Она упала на колени и схватила его за волосы.

– Тише, Лисиппа, успокойся! – закричала Мирина. Арето и еще несколько воинов с трудом оттащили обезумевшую амазонку от парня, лицо которого было залито кровью.

– Убьем его здесь и сейчас! – не могла уговориться Лисиппа. – Повелительница, отдай ублюдка мне! Позволь растерзать его!

Подойдя вплотную, Мирина схватила воительницу за плечи и грубо встряхнула.

– Лисиппа, успокойся! Мне надоело каждый раз осаживать тебя. Знай свое место, амазонка! – тяжело дыша от гнева, приказала Мирина. – Не смей распускать руки без моего позволения! И обуздай уже свой дикий нрав! А теперь... все, кто отвечал за пленника, выйдите вперед! – обратилась она к остальным.

– Я, заступница... это я за него отвечала, – опустив голову, выступила вперед Арето. – Клянусь всеми богинями, не могу понять, как скифу удалось выбраться! – пытаюсь оправдаться, начала объяснять она Мирине. – Ведь дверь была заперта, а сам он был связан такой крепкой веревкой, что не распутать ни одному человеку. Ее можно было только разрезать острым ножом! Я потому и не приставила к хижине стражника...

– Как можно быть настолько неосторожной, Арето? Почему ты решила не приставлять к пленнику стражника?.. Как так, Арето, как так?.. Если уж такой опытный воин, как ты, совер-

шает подобную оплошность, то чего же мне ждать от других? – укоризненно проговорила Мирина и, покачав головой, отвернулась.

Сакий пытался остановить кровь, которая заполняла его рот. Он закашлялся. Его мутило от месива с привкусом железа, часть которого он глотал, не успевая выплюнуть.

– Я сам... сам выбрался, – с трудом выдохнул он, взглянув на Мирину.

Попытавшись приподняться, юный скиф получил новый удар по голове и свалился без сознания.

Глава девятая

– Расходитесь все по своим делам!.. Воины, на посты! – сердито рявкнула предводительница после того как Сакия снова бросили в его темницу. – Арето и Лисиппа, ко мне!

Мирина зашла в свою хижину. Воины последовали за ней.

– Заступница, я виновата, да... но здесь что-то нечисто! – заговорила Арето. – Скиф не мог освободиться сам. Я не устану это повторять... Ему помогли! Кто-то открыл дверь и выпустил его, разрезав пути. Я уверена.

– Перестань нести чушь! – Мирина изменилась в лице, даже побледнела. – Кто стал бы помогать скифу в лагере амазонок?.. Арето, выходит, недостаточно туго ты его связала! А дверь он мог вышибить одним ударом. Где ночная стража?.. Куда они смотрели? Или мне теперь и по ночам не спать, оберегая ваш покой?! Вы не уследили за каким-то сопляком! Он мне нужен был живым, а вместо этого ты, Лисиппа, отравила его так, что он – чуть что – истекает кровью. Я даже ударить его не могу, чтобы выведать все... Мне нужен был здоровый парень! Иначе зачем же мы взяли с собой девушек?.. Лисиппа, ненависть затмила не только твои глаза, но и душу. Мы не убиваем мирных жителей, ты что, забыла?.. Мы не поим ядом юнцов вроде этого несчастного! Разве это достойно амазонки?.. Только в честном бою, лишь в сражениях мы истребляем врагов! Что с тобою? Чего ты хочешь, воительница?.. Хорошо, пусть будет по-твоему. Давай, пойдем на эту деревню с боем! Уничтожим там всех! Напьемся вдоволь крови! Успокоит ли это тебя?.. Утолит ли жажду мести?.. Отвечай!

Голос предводительницы разносился по всему лагерю.

– Я приказываю тебе остановиться, взять себя в руки, а ты продолжаешь добивать его! – кричала она, уже не помня себя от бешенства.

Мирина прожигала взглядом непокорную амазонку. Воины стояли молча. С ненавистью в глазах смотрела Лисиппа на свою госпожу...

Дерзко подняв голову, она злобно выдавила:

– Ты ведешь нас по неверному пути и не справляешься с обязанностью, возложенной на тебя Высшим Советом. Мы пришли сюда за мужчинами, за богатством и господством над этими землями. С тех пор как была разрушена Смирна, а потом и Эфес – наши города... не забывай об этом, города, сооруженные амазонками... наши праматери дали слово – клятву, обязывающую нас вернуть нашему народу былое могущество, а не скитаться по лесам и горам!.. Нам еще вчера нужно было спуститься в деревню скифов и захватить ее. А мальчишка... Я должна была свернуть ему шею, не приводя в лагерь!

– Ты не смеешь говорить со мной подобным образом, Лисиппа, – уже более спокойно, но с угрозой в голосе промолвила Мирина. – Я понимаю твою горе. Я знаю, как много ты потеряла в сражениях. Но ты растеряла и себя... Спустишь мы вниз – придется пролить кровь, много крови. Ты забыла, что мы не убийцы, как они! Сколько раз еще я должна повторить тебе это?.. Мы воюем только с теми, кто идет с боем на нас. Да и не в наших силах сейчас с тем отрядом, с которым мы пришли сюда, противостоять армии скифского царя... если, как говорит этот парень, она действительно в деревне. Думаешь, скифы согласятся так просто отказаться от своей земли? Или я должна послать своих воинов на верную гибель? Ведь так оно и будет! Нельзя переходить в наступление, не зная числа и мощи врага! – выпалила Мирина на одном дыхании. – Настоящий воин – это осторожный воин. На Совете было решено, что этот лес – наш переходной пункт, отсюда нам предстоит долгая дорога через горы на новые земли. Мы взяли с собой матерей для того, чтобы в наших рядах возродилась новая кровь, а ты отравила первого же мужчину, который по велению судьбы сам пришел к нам. Это ты нарушила правила и естественный ход событий! – часто дыша, выкрикнула предводительница последние слова.

Ничего не ответив, нахмурившаяся Лисиппа отошла в сторону и, постояв немного, с сердитым видом вышла из хижины.

– Ты тоже можешь идти, – презрительно глядя вслед Лисиппе, сказала предводительница сгорающей от стыда и отчаяния Арето. – Я подойду позже, – продолжила она, сжимая кулаки. – Позови Аэllu и ждите меня. Только без этой змеи!.. Я не уверена, что не удушу ее при очередном проявлении неуважения...

– Хорошо, заступница. Будет сделано! Прошу прощения, – смиренно согласилась Арето и преклонила колено.

Отвернувшись, Мирина небрежно кивнула головой.

Глава десятая

Три амазонки стояли под огромным тутовым деревом за пределами лагеря, беседуя и обмениваясь мыслями.

– Мы без особого труда можем захватить людей, которые наверняка будут искать его, – предложила Арето.

– Тогда нужно спуститься ниже, ближе к подножию, – сказала Аэлла.

– Нет, похищать людей открыто опасно. Все должно выглядеть так, будто они сорвались с горы, – напомнила Мирина. – Ах, как подходил нам этот юноша! – с сожалением вздохнула она. – Арето права, нужно выйти в дозор и перехватить одного из тех, кто отправится на поиски. Или же, возможно, приманить кого-то из них с помощью этого отравленного. Но нужно поторопиться и сделать это до того, как он умрет. Думаю, при его нынешнем состоянии это произойдет довольно скоро. Если же и это не удастся, придется все же ночью спуститься в деревню, чтобы выведать все. Одного-двух стражников мы одолеем без труда. Не бодрствует же вся армия Скифа по ночам!..

– А как быть с пленником? – спросила Аэлла.

– Пусть немного отдохнет... У меня еще есть к нему вопросы. Сделайте так, чтобы он был в сознании, не издевайтесь над парнем! – приказала предводительница. – Итак, пора приступать... Арето, возьми опытных воинов и спустись ближе к Малой горе, что внизу. Лисиппе запрещаю ходить с вами, так ей и передай!

Мирина подошла к своей верной помощнице и положила руку ей на плечо.

– Арето, не соверши ошибки! Никто не должен знать, что на горе разбит лагерь, – строго предупредила она.

Та склонила одно колено и опустила голову, приложив правую руку к груди.

– Будь во мне уверена, заступница! Я не подведу тебя еще раз, даже если это будет стоить мне жизни! – твердо сказала Арето.

Предводительница помогла ей подняться и обняла.

– Я знаю.

Арето показалось, что на нее давит скала, она еле удержалась на ногах. Чувство вины тяжким грузом лежало на ее сердце.

– Заступница, мне очень жаль. Все, что произошло сегодня, – моя вина! – обратилась она снова к Мирине.

– Арето, иди и выполни свой долг! – прервала ее предводительница. – И да хранит вас Артемида!

Через некоторое время отряд амазонок покинул лагерь.

Мирина очень тревожилась. На нее была возложена огромная ответственность: за матерей, за воинов, за будущее их народа. Она не могла допустить ошибки. А этот пленник-беглец... ведь он являлся именно ее оплошностью. Арето и остальные тут ни при чем, они лишь ускорили неминуемое.

«Я сама должна была убить его еще вчера, когда поняла, что после воздействия яда парень уже непригоден для нас, – корила себя Мирина. – Но во мне проснулась жалость... а это недопустимо для человека, избранного предводителем народа!»

Немного подумав, она подошла к хижине, в которую воины приволокли Сакия.

Войдя внутрь, Мирина поморщилась: рассыпанные по хижине листья и трава были обильно залиты кровью. Из-за отсутствия окон воздух внутри был затхлым.

Запах крови был для предводительницы привычным и в то же время ненавистным... Она подошла к лежащему без сознания юноше, присела рядом и подняла ему голову. Он дышал.

– Грина, принеси немного целебного отвара, – приказала она подошедшей к ней девушке. – И почему он валяется, будто уже мертвец? Давай уложим его в более чистом от грешной крови месте. Нужно иметь уважение к пленникам – и к мертвым, и к живым. Нельзя уподобляться врагам. Нас должно что-то отличать от них...

Вдвоем они перетащили парня в самый дальний угол хижины, где еще было сравнительно чисто, и попытались влить ему в рот немного травяного отвара. Пленник пришел в сознание и стал пить мелкими глотками, в основном выкашливая проглоченное вместе с кровью.

– Он умирает, – с огорчением сказала предводительница. – Но ты пои его, девочка. Пусть умрет без боли, чтобы душа потом страдала меньше.

Грина с удивлением посмотрела на Мирину: никогда еще та не говорила с нею настолько мягко.

– Позови девушек... пусть помогут тебе. Обязательно оповести меня, когда парень закроет глаза навечно, – печально добавила предводительница и вышла.

Мирина направилась к хижинам девушек. Каждая из них выполняла порученную ей работу. Самые сильные и рослые достраивали временные жилища.

Они встали в ряд, как только увидели предводительницу.

– Где Гармония, Деянира? – поинтересовалась Мирина у одной из девушек.

– Она спустилась за водой, заступница, – робко ответила та.

– Как, одна?

– Да, заступница.

– О чем я предупредила всех вас в первый день прибытия? Нельзя выходить за пределы лагеря поодиночке! – рассердилась Мирина.

– Я сказала, заступница, но она не послушалась, – трясась от страха, стала оправдываться девушка.

– Ах, не послушалась!.. Иди и приведи ее сюда. Немедленно! – не на шутку разозлилась Мирина.

Накопленная с утра злость уже пробудила в предводительнице зверя, которым она становилась в боях. Пытаясь успокоиться, она вышла, немного походила по лагерю и прислонилась к стволу одного из деревьев.

Аромат листвы успокаивал Мирину. И шелест. Точно мелодия колыбельной, которую она помнила с детства. Тогда еще не было разделения на воинов и матерей: сражались все. И ее мать, бесстрашная воительница, каждой ночью, обнимая дочку, пела о своей любви...

Прошло уже немало времени. Мирина подозвала одну из девушек и приказала:

– Пойди посмотри, что там с пленным скифом. А ты, – обратилась она к Ипполите, – спустись к роднику и узнай, по какой причине эти девчонки до сих пор не вернулись. Почему они никак не могут дойти?.. Может, умерли по дороге?

Предводительница амазонок еле сдерживалась, чтобы самой не отправиться за девушками.

Несколько родников пробивались из-под земли неподалеку от лагеря, чуть пониже, на склоне горы. Взволнованная Деянира давно уже стояла рядом с сидящей на земле девушкой.

– Гармония, тебе придется вернуться. Да и чего ты боишься?.. Разве натворила что-то?..

– Я боюсь, сестра... Мирина сердится на меня, – ответила девушка и, съездившись, обхватила колени руками. – Ты же видела, как она гневается...

– Но если сейчас не пойдешь, она рассердится еще больше! И меня накажет за опоздание!

– Как он?.. Убийца... он жив?

– О ком это ты, о том парне? Говорят, умирает... А может, и издох уже к этому времени.

– Он... – Гармония хотела что-то сказать, но не решилась.

– Что? – насторожилась Деянира. – В чем дело, Гармония?
– Ни в чем... забудь, – с безнадежностью в голосе ответила девушка.
– Гармония, – голос Деяниры внезапно задрожал, – Мирина уже послала за нами Ипполиту!..

Та еще издали, не подходя к ним, звала их и махала рукой, призывая поспешить.
– Вставай, Гармония! Ну же! Не заставляй меня пойти и сказать, что ты отказываешься повиноваться! Сейчас же поднимайся, или я иду одна! – пригрозила Деянира.

Гармония нехотя поднялась и поплелась за девушкой.

– Где заступница? – спросила Ипполиту Деянира.

– В хижине, ждет Гармонию. Ты лучше не ходи, – предупредила та.

Гармония тихо вошла в хижину. Мирина стояла у стены. Не поднимая глаз, девушка робко обратилась к ней:

– Я пришла, заступница...

Мирина подошла и резко дала ей звонкую пощечину.

Не удержавшись, Гармония упала. Предводительница редко была подчиненных, но стоило ей разозлиться – и ни одна из провинившихся амазонок не могла избежать кары.

– Ты изменница, ты! Если в лагере узнают, тебя лишат глаз и закопают живьем... Пустоголовая предательница! Поднимайся! – прорычала Мирина.

Девушка покорно поднялась. Предводительница схватила Гармонию за косу, собранную узлом на макушке, волоком протащила через хижину и прижала спиной к стене.

– Кто еще знает об этом... кроме Лики? – прошипела Мирина.

Гармония испуганно смотрела на нее, не смея выговорить и слова. Глаза Мирины налились кровью и словно вылезали из орбит. Девушка почувствовала, как близка предводительница к тому, чтобы придушить ее...

– Кому еще ты разболтала?!

– Никому, заступница, – прорыдала Гармония.

Швырнув ее на землю, Мирина вышла из хижины.

– Лику ко мне! – приказала она девушкам, которые тут же, недалеко, чистили ягоды, только что собранные в лесу.

Все вскочили и склонили головы. Лика была среди них.

Предводительница вошла обратно в хижину. Девушка последовала за ней. Она знала, что и ей несдобровать, ведь Мирина была не в том настроении, чтобы спокойно выслушать.

Лика увидела Гармонию, сидящую на полу со склоненной головой, и поняла, что все раскрылось.

– Ты никому ничего не расскажешь! – яростно выпалила повелительница в лицо Лике. – Посмеешь ослушаться – я сама удавлю тебя, не успеешь даже понять этого!

– Да, заступница, – прорыдала девушка, упав на колени.

Мирина вышла из хижины и, тяжело вздохнув, направилась к пленнику.

Грина сидела у порога и заплетала косу. Едва заметив предводительницу, амазонка поднялась, сложив руки на груди.

– Как скиф? – устало спросила Мирина.

– Жив, заступница! – с довольным видом ответила девушка, чувствуя себя доверенным лицом госпожи.

– Вы покормили его? – поинтересовалась та, зайдя в хижину.

– Да, заступница. Он поел, совсем немного. Больше спит. И подняться сам не может, – следуя за ней, с готовностью отвечала Грина.

– Не может подняться, потому что сил нет. Так трудно понять?.. Тебя не посещали такие мысли? Довольно пустой болтовни. Здесь нужно навести порядок! – раздраженно отозвалась Мирина, разрушив недавнюю самоуверенность Грины, и, брезгливо морщась, отошла к двери. – Убери засохшую кровь немедленно. Как можно не понимать таких простых вещей! Неужто на всё указывать надо?.. Здесь уже так смердит, что начинают собираться муравьи. Да как ты сама тут сидишь? – продолжала неистовствовать предводительница.

– Я сейчас уберу, заступница, – засуетилась девушка.

Преодолев отвращение, Мирина подошла к пленнику.

Он был очень бледен и еле дышал.

– Принеси воды и обмой ему лицо и грудь! – приказала она Грине.

Та выбежала и вскоре вернулась, держа в руке ковш с водой. С ней пришли еще две амазонки. Девушки стали смывать кровь с тела пленника. Тот очнулся и застонал.

Мирина сидела рядом, смотря на парня с жалостью. Она помогала девушкам, поддерживая его голову.

– Принеси еще отвара, – сказала предводительница одной из них. – Пусть пьет все время, а не раз в день. Да с вами здоровый человек околеет, не то что отравленный! – ворчала она.

– Да, заступница, – покорно ответила Грина.

– Укройте его козлиной шкурой, как закончите, – распорядилась предводительница. – Он весь дрожит. Если все-таки придет в сознание... немедленно оповестите меня, будь то раннее утро или поздняя ночь!

Мирина вышла из хижины. Ей было трудно дышать. Безжалостная воительница, она привыкла убивать, но на полях битвы, в сражениях. Сейчас же у нее на душе было мерзко от случившегося. Смешанные чувства – жалость, отвращение, усталость – заполняли все ее существо...

Предводительница амазонок ощущала невероятное пресыщение от власти, от обязательств перед народом... и от постоянной необходимости убивать. Глядя на скифского пастуха, сейчас столь беспомощного и обреченного на гибель от яда, она испытывала раздражение и досаду.

Сама того не заметив, Мирина вошла в свое жилище. Ей нужно было отдохнуть и... несмотря ни на что, продолжать править этими немногочисленными, но такими непростыми обитателями лагеря. Собрать в кулак мужество, терпение и верность своему долгу и предназначению.

– Как смеешь ты, маленькая изменница, показываться мне на глаза? – вскрикнула она, заметив ожидавшуюся ее Гармонию.

Девушка вздрогнула, но не сдвинулась с места.

– Заступница, молю: выслушайте меня! Я пришла не оправдываться. Я провинилась и признаю это. Но он... Скиф ни в чем не повинен. Он вернулся потому, что беспокоился обо мне! – сквозь слезы тихо проговорила она.

Мирина ничего не ответила.

Немного успокоившись, девушка продолжила:

– Я... я сказала, что меня накажут, если узнают обо всем. Ну, о том, что я помогла ему сбежать. Он не хотел уходить, я его заставила. А потом... Потом он вернулся! Не знаю, почему... Хотя... не хочу обманывать вас. Думаю, он сделал это ради меня. Не убивайте его, заступница, это я, я всему причиной! Он не хотел, правда, я заставила его! – говорила она, прерывая свою речь судорожными вздохами.

Гармонию переполняли чувства, с которыми она не могла справиться. Она бросилась на землю и обняла ноги Мирины.

– Заступница, смилуйтесь! Нет... накажите, но не переставайте любить. Молю вас, простите! Не знаю, как это произошло. Только я не смогла удержаться от этого! Что-то внутри, вот здесь, – девушка указала на грудь, – заставило меня пойти на этот шаг. Я... я знала, что делаю что-то нехорошее, но... правильное! Ведь бывает и плохое правильным, заступница, разве нет?.. Но эти слова не для того, чтобы избежать кары. Нет! Я лишь прошу вас пощадить скифа...

У Мирины уже не оставалось сил, чтобы оттолкнуть ее.

– Ну хватит, успокойся, девочка. Наказание за такой проступок – дело не из легких, так что больше об этом и не говори. А простить тебя... проси прощения у Артемиды, а я с тебя вины не снимаю и помнить об этом буду всегда! Тебе повезло, что парень не успел сбежать... или вернулся, если верить тебе. Кто вас разберет! Но если о твоей оплошности узнает Лисиппа, эту дьяволицу не угомонить. Живо выколет тебе глаза... Я ничем помочь уж не смогу, если твоя вина будет доказана. Полно, вставай и займись делом. И прекрати рыдать, а то тебя точно заподозрят! – стараясь скрыть жалость в глазах, сказала Мирина и, отвернувшись, поспешно отошла в сторону.

Гармония поднялась и, утирая слезы, вышла из хижины.

Мирина тяжело присела. Становилось все труднее дышать. Поступок парня ошеломил ее. Суть случившегося она поняла почти сразу, и все же слова Гармонии, подтверждающие ее смутные догадки, стали для предводительницы ударом, пронзившим душу.

«Ну и как теперь, после всего, убить этого негодника? Откуда он выискался такой благородный! – в сердцах думала она. – Ах, Лисиппа, мерзкая убийца... не отрави она парня – все было бы по-другому. Шло же все своим ходом, и не было ни малейшей необходимости... но как без подлости, как?.. Змея гремучая! Моя бы воля – закармила бы тебя твоим же ядом, Лисиппа!»

Небо сгустилось тяжелыми темно-серыми тучами. В любой момент они могли разрешиться обильными слезами... Здесь, в горах, это не было редкостью: в разгар самого жаркого денька мог пойти дождь, иногда не перестающий лить часами, а то и днями.

И вот уже по крышам хижин забарабанили крупные капли. Посеревший полдень стал подобен наступающему вечеру. Быстро подхватив корзины с собранными с кустов плодами, девушки поспешили в укрытие.

Усевшись тесной кучкой, юные амазонки стали лакомиться ярко-красными ягодами. Одна из них негромко запела, остальные подхватили незатейливую мелодию...

Только две девушки сидели отдельно от всех и друг от друга. Первая то и дело с тревогой поглядывала на дверь, вторая тихо молилась в углу.

Глава одиннадцатая

– Грина, разреши мне войти, – просила насквозь промокшая и дрожащая под проливным дождем девушка.

– Нельзя! – решительно сказала суровая надзирательница и, пытаясь захлопнуть дверь, оттолкнула Гармонию.

– Грина, прошу... мне надо увидеть скифа. Проси у меня все, что хочешь, – продолжала настаивать девушка. – Я посторожу вместо тебя. И убирать в хижине буду! Целый месяц... Грина, ты только подумай!

– Мирина на меня из-за тебя накричала, помнишь? – надменно заявила злопамятная Грина.

– Неужели ты считаешь в этом виновной меня? Я пыталась оправдать тебя. Не я тебя выдала, она сама догадалась!

Грина улыбнулась, наслаждаясь властью над умоляющей девушкой.

– Месяц! – сказала она, подняв предупреждающе палец, и распахнула наконец дверь.

Гармония проскользнула в хижину. Пленник лежал на устланной шкурами земле. Девушка присела рядом.

– Как он? – спросила Гармония.

– Красивый, – мечтательно ответила Грина, разглядывая Сакия.

Гармония с удивлением посмотрела на нее и перевела взгляд на парня.

– Он жить будет?... И что это с тобой? – простодушно переспросила наивная девушка и отпрянула, увидев, как Грина медленно проводит ладонью по волосам юного скифа.

– Будет... Я дала ему отвара, и он уже однажды приходил в сознание. А еще я принесла ему мяса, но поел он совсем немного, – Грина продолжала гладить Сакия по голове.

– Он отравлен... ты что, не знаешь? – осторожно прошептала девушка.

– Немного времени, и придет в себя! – упрямо возразила амазонка. – Он силен и... очень уж красив, ты только посмотри, глупая! Как можно отказаться от такого?..

– Но мы скоро покидаем эти места, – попыталась отговорить Гармония неугомонную соплеменницу от того, чего она и сама не понимала до конца. – Может, вернем его... не позволим убить, раз он такой уж красивый... как ты считаешь? – прошептала она вновь, робко взглянув на Грину.

– Что?! – воскликнула та.

– Нет, ничего, – вздрогнув, пролепетала испуганная девушка.

Продолжая смотреть на Гармонию со злобой, Грина дожидалась ответа.

– Ну же!.. Кому вернем? – настойчиво допытывалась она. – Что ты задумала, признавайся!

Вспомнив рассказы Мирины о пытках над предателями, Гармония пожалела о сказанном. Они не ладили с Гриной, и теперь та могла отомстить ей. Строптивая амазонка очень ревновала к девушке предводительницу, уверенная, что больше кого-либо другого заслуживает ее благосклонности.

– Вернуть его земле, дав спокойно умереть, – торопливо выговорила Гармония первое, что пришло на ум.

– Да ты с ума сошла!.. Он же жив! – повысила голос Грина, сверля девушку глазами, полными гнева. – Знала бы повелительница, какая ты притворщица, увидела бы истинное лицо своей девочки! – заорала она и сделала шаг к Гармонии.

Девушка отбежала в угол, видя, что надзирательница распаляется все больше и больше. Внезапно Сакий шевельнулся и тихо застонал.

– Он хочет пить, – засуетилась Грина и, схватив кувшин с водой, поднесла его к запекшимся губам парня.

Тот открыл затуманенные глаза и начал жадно пить, порою даже захлебываясь. Опустошив почти весь сосуд, он посмотрел на Грину. Амазонка улыбнулась и прижала руку к его лбу.

– Хочешь поесть? – участливо и даже нежно спросила она.

Ничего не поняв из сказанного, юноша тоже попытался улыбнуться. Внимательно наблюдая за ними, Гармония неслышно подошла чуть ближе.

– Постой здесь. Слышишь, сумасшедшая, никуда не уходи! Я принесу ему еды. Только не смей дотрагиваться до него! – не сводя с пленника глаз, сурово приказала ей Грина.

Как только она вышла, Гармония бросилась к юноше.

– Почему ты не ушел? – прошептала она, тряся его руку. – Нельзя было возвращаться! – продолжала она на языке скифов.

Сакий только сейчас ее заметил. С трудом собрав все силы, он приподнялся и, неожиданно для Гармонии, обнял ее.

– Не верю глазам: ты жива... Я так испугался! Думал, они узнали... и уже убили тебя! – Он взволнованно прижимал девушку к груди.

Поведение скифа ошеломило Гармонию. В первое мгновение она растерялась, но потом, оттолкнув юношу, быстро вскочила на ноги.

– Что с тобой, убийца? – воскликнула она.

В глазах девушки Сакий заметил изумление и страх.

– Прости, я напугал тебя! Не хотел! Прости, – запинаясь, проговорил Сакий. Он смутился и опустил глаза. – Я просто очень рад, что ты жива, добрая девочка...

– И я... рада... Хорошо, что и ты не умер, – отведя взгляд в сторону, проговорила Гармония.

Юноша посмотрел на нее и едва заметно улыбнулся. Увидев это, она присела, но уже на некотором расстоянии.

Отворилась дверь: это вернулась Грина. В руках она держала миску, накрытую туловыми листьями, и небольшую флягу. По хижине распространился теплый запах мяса, которое амазонки приправляли ароматными травами.

– Ты можешь идти, я справлюсь, – угрюмо процедила она, явно тяготясь присутствием девушки.

Гармония встала и послушно направилась к двери, но внезапный оклик заставил ее обернуться.

– Хотя нет... постой, не уходи. Я не понимаю языка скифов. Спроси: может, ему еще что-то надо, – нехотя попросила Грина.

Девушка обрадовалась. Она быстро вернулась и уже более приветливо обратилась к Сакию:

– Хочешь поесть? Ты проголодался, наверное?

Он улыбнулся и, глядя ей в глаза, ответил:

– Да. Очень. Но было бы лучше, если бы ты сначала дала мне воды. Горло горит так, словно его жгли раскаленным железом.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросила Грина.

– Хочет пить, – робко ответила Гармония.

Глаза амазонки засверкали. Она присела рядом с парнем и, заботливо придерживая его за спину, поднесла кувшин к его губам. Он отпил немного отвара и глубоко вздохнул.

– Когда же это пройдет? Когда перестанет так жечь? – морщась от неприятных ощущений, обратился он к Гармонии.

– Нужно пить как можно больше отвара, – смущенно сказала девушка.

– Что?.. Что он говорит? Хочет поесть? Отвечай, глупая! – приказала Грина. Ее изрядно раздражало, что она невольно зависит от ненавистной ей Гармонии.

– Нет... Говорит, что в горле жжет... Может, принесешь еще немного? – указала девушка на почти пустой кувшин.

Грина задумалась. Ей вовсе не хотелось оставлять пленника наедине с Гармонией.

– Да, ты права... к сожалению. И Мирина говорила, что вместо воды нужно давать отвар. Ведь только он способен унять жжение... А может, ты принесешь? Давай, сбегай! Хотя какая-то польза будет от тебя, нерадивая! – проворчала Грина с презрением.

– Но в лагере не знают, что я здесь... Нет, мне нельзя! Да и тебя могут наказать, если кто-нибудь узнает, что ты меня впустила! – упиралась Гармония.

– Глупая девчонка! Ух, убила бы! – рассердилась Грина и поднесла кулак к ее лицу.

Та невольно вскрикнула и прикрылась руками.

– А ну-ка тише! – слышался хриплый голос Сакия.

Он приподнялся и укоризненно посмотрел на Грину.

– Чего она хочет от тебя? – обратился он к Гармонии. Девушка только испуганно покачала головой. Поняв, что пленник недоволен, Грина опустила руку, состроила кривую улыбку и быстро бросилась за питьем.

– Эта... которая сидит тут со мной... она у вас главная? – спросил Сакий, как только амазонка покинула хижину.

– Можно и так сказать... По крайней мере, сама она именно такого о себе мнения, я уверена, – облегченно вздохнув, ответила девушка.

– Обижает тебя?.. Ты боишься ее? – продолжал Сакий. Но Гармония словно не слышала парня. Она пристально смотрела на него и молчала. «У него чересчур доброе лицо для врага. Неужели все убийцы выглядят так?»

Не дождавшись ответа, Сакий попытался сесть, облокотившись на стену.

– Это еда... она для меня? – улыбнувшись, спросил он.

– Да, – очнулась Гармония и передала ему миску.

Она молча наблюдала за тем, как парень мучается, пытаясь проглотить ломтик мяса. Он морщился и едва сдерживался, чтобы не стонать от боли в горле.

Сдавшись уже на втором куске, юноша отложил миску и вновь прилег. Резь во всем теле снова начала терзать его. Сакий съезжился и закрыл глаза. Не зная, как облегчить его страдания, девушка подбежала к двери и выглянула наружу. «Куда же ты пропала? Грина, ну возвращайся уже!» – думала Гармония в отчаянии.

– Не уходи, прошу тебя! – услышала она вдруг слабый голос пленника.

– Потерпи немного, еще чуть-чуть... Грина принесет отвар, он целебный. Только это может тебе помочь! – попыталась утешить его Гармония.

Сакию становилось хуже, боль усиливалась. Скорчившись, он бил кулаком по земле и стонал. Ему казалось, что внутри него все плавится, причиняя нечеловеческие муки. Гармония в слезах взяла его ладони в свои руки и начала яростно растирать их.

В это время в хижину ворвалась Грина.

– Что?.. Что ты с ним сделала? – закричала она в бешенстве, подбегая к ним.

– Ему плохо, Грина, боли усилились, – металась и рыдала Гармония. – Сделай что-нибудь, избавь его от страданий!

Та стремительно помогла парню приподняться и влила ему в рот немного отвара.

– Потерпи немного, скоро станет легче, – сказала амазонка, придерживая его голову.

Пот ручьем катился со лба Сакия. Юноша чувствовал, что перестает отличать бред от действительности. Опять он видел мать у окна и мальчишек, играющих во дворе, слышал звуки весны и лай собак...

...Вдруг кто-то позвал его по имени. Сакий оглянулся. В нескольких шагах от него стоял мужчина, лица которого он никак не мог различить.

«Сакий!» – снова послышался голос. Парень попытался приблизиться к нему и заглянуть в лицо. Но чем ближе он хотел подойти к незнакомцу, тем больше тот отдалялся. Юноша протянул ему руку. У него было ощущение, что он знает этого человека. Что-то родное было в нем, оно звало и тянуло... «Отец!» – подумал Сакий.

Но внезапно все исчезло, и боль утраты обуяла его черным цветом, кружившимся вокруг головы.

Глава двенадцатая

Ранним утром Атей и Палак, передав свою очередь другим пастухам, собрались в горы.

Лошадей они не взяли, поскольку передвигаться на них по крутым склонам было еще опаснее, чем пешими. Проводниками мужчинам служили, как всегда, собаки. За поясом у обоих пастухов торчала рукоятка акинака – увесистого короткого меча, неизменного спутника скифов. Через плечо переброшены кожаные мешки, где лежали пшеничные лепешки и фляги с водой.

Робкие лучи солнца только начали освещать все вокруг. День обещал быть жарким. Но еще не поглощенная сынами Солнца влажность незаметно уходящего утра приятно охлаждала кожу.

Атей был задумчив. Стараясь беречь силы и по этой причине опираясь на посох, он быстро двигался по покрытой кочками тропинке.

Палак шел медленнее. Его одолевал сон. Не отдохнув, как следовало бы после вчерашнего загона, он сопровождал товарища без охоты. Но отказать Атею Палак не мог: слишком уж много хорошего он видел от него. Не раз опытный пастух выручал товарища, иногда заменяя его даже по неделям. И вот теперь настала очередь Палака поддержать Атея...

Собаки бежали впереди, принюхиваясь к каждому кусту, порой недовольно рыча. Они были встревожены, поскольку незнакомая местность пугала их своей беззвучной мощью.

– Атей, вряд ли он жив, – вдруг произнес Палак, как только они вошли в гущу леса. – Ты ведь знаешь Сакия с детства, он парень смелый, и сил у него довольно. Вернулся бы уже, если не...

– Да хватит тебе беду кликать! – рассердился Атей.

Он и сам предчувствовал несчастье, но старался рассеять свои опасения.

– Якши да помогут нам! – взволнованно проговорил пастух. – Духи леса придут к нам на помощь...

– Если даже парнишка не сорвался с горы, так за ночь звери его растерзали... – продолжал горестно Палак. – Когда он был в таких местах? Эта гора опасна, здесь живут не якши, а демоны. Скольких людей погубили! Так высоко подниматься... не дело это! Я честно признаюсь: вот весь век прожил мой отец тут, у подножия, но и нам перед смертью завещал высоко не подниматься... Преданиям верить надо, Атей, а они хорошего-то не рассказывают...

Атей молчал, понимая, что товарищ прав. Эта гора была будто укутана недоброй черносерой пеленой. Еще ребенком он не раз слышал от стариков, что лучше бы их народу покинуть это место и, как далекие предки, кочевать до тех пор, пока не отыщется воспеваемая в песнях райская земля. Но это было не в воле таких простых людей, как он...

Устав от невеселых дум, уже под гнетом слов и догадок такого же расстроенного товарища, Атей шел вслед за собаками. Вдруг одна из них залаяла и бросилась в сторону. Пастухи заметили мелькающий среди кустов белый комок. В эту пору здесь водилось много зайцев, и не стоило большого труда поймать парочку на обед.

Атей стал кричать, зовя собаку назад. Несмотря на непреодолимое рвение поохотиться, пес все-таки остановился, хотя продолжал рычать и лаять.

– Не до зайцев сейчас! – огорченно воскликнул Атей.

Мужчины продолжили путь.

– Сакий пошел без собаки, – с грустью в голосе вспомнил пастух. – Ах, Палак, как я мог отпустить его!..

Он печалился все больше, представляя себе, как ему придется объяснять в деревне исчезновение юноши.

– А как быть с его матерью?.. Что я скажу ей? «Прости меня, мать, за глупость»? А ты знаешь, ведь и отец парня так же в горах исчез. Вот судьба! – продолжал сокрушаться мужчина, горестно качая головой.

– Что предначертано богами, то и сбудется... Нет твоей вины в этом, брат! – пытался утешить товарища Палак.

Они двигались все дальше и глубже в лес, который то манил их пестротой красок и желанной прохладой, то пугал загадочностью и одиноким величием.

– Осторожнее, Атей, здесь могут быть медведи, – поспешно напомнил спутнику пастух.

– Они водятся выше, не бойся, – ответил тот.

– Никто не знает, где они могут водиться. Смотри, сколько кустов с ягодами! Не медведи, так волки... – стоял на своем Палак.

Он явно не одобрял столь опасные и вместе с тем бессмысленные, по его мнению, поиски.

– Ты можешь вернуться, я не буду в обиде. Сам справлюсь, – уже сердился Атей.

Палак молча покачал головой.

Они дошли до расколотого ударом молнии дерева, часть которого лежала на земле. Мощные ветви еще не успели засохнуть. Атей присел на самую широкую из них и провел рукой по еще сохранившимся побегам – молодым, но обреченным на гибель.

– Собаки устали, – сказал, вздыхая, Палак, устраиваясь рядом с товарищем. – Отдохнем немного.

Они пределали немалый путь в гору, и теперь, оглядываясь назад, уже не могли видеть свои кибитки, крытые соломой. Пастухов окружали лишь деревья, которые, казалось, высились здесь целую вечность.

Оба пса прилегли вблизи хозяев. Палак вытащил из мешка, перекинутого через плечо, глиняную чашу, предназначенную для животных, и, налив в нее немного воды из кожаной фляги, поставил на землю. Собаки бросились к воде и принялись жадно лакать.

– Атей, пойдем дальше... или как? – осторожно спросил Палак товарища, протягивая ему флягу.

– Да... Еще немного поднимемся. Нужно остерегаться дикого зверья, ты прав... – Атей отхлебнул воды.

– Медведи, волки... любые хищники нам не в радость! Чего тут только не водится! В прошлом году охотники в этих местах такую зверюгу убили, что мы оба у нее в брюхе без труда поместились бы! – пытался шутить Палак.

Не видя никакого отклика от своего спутника, он медленно поднялся и потянулся.

– Не мешало бы подкрепиться... Я тут лепешек прихватил...

– Я тоже... Давай по дороге. Некогда рассиживаться! – угрюмо промолвил Атей.

Пастухи отправились дальше. Они уже шли через Малую гору – навстречу опасности, о которой и не подозревали.

Впереди их ждали самые сильные и жестокие из всех диких зверей...

Арето и еще четыре воина заметили пастухов совсем недавно. Они поджидали их у невысокой, скалистой части горы. Вероятность сорваться вниз здесь была очень высокой. Но амазонки давно уже привыкли к этой местности, ведь именно здесь они охотились на горных козлов.

– Пусть подойдут ближе, – решила Арето, придерживая нож на поясе.

– У них собаки. Они нам пригодятся, – согласилась Смирна.

Как и было задумано, Арето и Евриала должны были подкрасться к пастухам сзади. Остальные ждали сигнала.

– Ничего не предпринимайте самовольно, – приказала Арето. – Все на своих местах?

– Да, Арето, – отозвалась Аэлла. – Думаю, время пришло. Да хранит нас Артемида!

Арето кивнула в знак благодарности и положила правую руку на грудь.
Амазонки начали наступление...

Палак изрядно отставал от Атея. Тот же спешил, осматривая каждый куст в надежде найти хоть что-то – хотя бы кусок одежды или... тела парня. Последнее страшило его больше всего. Он уже был почти уверен, что дикие звери этих мест растерзали беднягу.

«Это произошло еще вчера, уверен! Но я не могу вернуться в деревню с пустыми руками. Эх, Сакий, неужто больше никогда не увижу тебя живым, мой мальчик?» – с горечью думал Атей, смахивая с щеки слезу.

Вдруг приглушенный возглас отвлек его от грустных мыслей. Он обернулся, но Палака не увидел – мужчина будто растворился в воздухе.

Атей позвал собак, но они были уже далеко впереди. Пастух рассердился и топнул ногой.

– Кити, Реш, ко мне! – крикнул он, с досадой провожая взглядом собак. – Да чтоб вы пропали!..

Атей решил вернуться и поискать товарища. Они шли по ровной тропинке, и Палак никак не мог свернуть с пути... Это выглядело очень странно.

Пастух запоздало пожалел о том, что не шел с товарищем плечом к плечу. Собак уже не видно, не слышно. Вокруг не было никого – Палак будто испарился. Атея начало страшить то безмолвие, которое воцарилось так неожиданно вокруг него.

– Палак!.. – негромко, с некоторым страхом в голосе позвал он.

Ответа не последовало. Пастух огляделся. Вокруг стояла полнейшая тишина. «Нет, дикий зверь не мог бы так вдруг исчезнуть, утащив Палака!» – подумал он.

– Палак, ты зачем прячешься? – вскричал уже громче он, успокоив себя на миг мыслью о том, что, возможно, приятель решил подшутить над ним.

Ни единого звука.

Атей был в замешательстве. «Ведь не мог же он сорваться вниз! Да и откуда – дорога же ровная... Нет-нет! Я не видел его уже довольно давно, шел не оглядываясь. Да! Мы же прошли мимо одного из обрывов!» – с ужасом вспомнил пастух и приблизился к краю скалы.

Внезапно он почувствовал, что кто-то подошел к нему сзади.

– Палак! – обрадовался Атей и обернулся.

Перед ним стоял человек в звериной шкуре. Из-под натянутого вниз шлема сверкнули глаза, полные злобы. Атей схватился за оружие ровно в тот миг, когда незнакомец нанес ему удар по голове.

Пастух чуть было не упал, но все-таки сохранил равновесие, изо всех сил сжимая рукоятку акинака. Вдруг, резким движением руки вытащив оружие из-за пояса, он попытался ранить врага, но лишь полоснул по воздуху.

Противник оказался более ловким и изворотливым, чем Атей. На пастуха со всех сторон посыпались удары. Человек в шлеме пришел не один...

Не удержавшись, Атей сорвался в пропасть...

Глава тринадцатая

Мирина начинала беспокоиться. Она нервно ходила взад и вперед по хижине, обдумывая дальнейшие передвижения.

«Пора уходить отсюда!» – решила встревоженная предводительница. Опасения за вверенных ей людей не давали Мирине покоя. Из деревни в эти места могут направить армию, а воевать им сейчас не время... Они должны были схватить двух-трех мужчин и передвигаться дальше по горам.

Но все шло не так с самого начала. Этот юный скиф, страдающий от яда, возмущенный ропот в лагере, неповиновение – все это невероятно огорчало Мирину. Досада на Лисиппу, утренняя речь которой явно метила в нее (да еще при воинах!), не прошла и разгоралась все сильнее.

Предводительница всегда старалась сохранять спокойствие в тягостные для нее моменты, но была весьма злопамятна. Мысли о причиненной обиде раскрывались в ней постепенно, заполняя ее жестокостью и желанием нанести ответный удар.

Снаружи послышался лай. Мирина вышла из хижины.

Это вернулись воины. Они держали на привязи двух собак, пытавшихся вырваться и потому крутившихся вокруг длинных прочных веревок, охватывающих шею и завязанных на брюхе. Арето стегнула животных кнутом, и они заскулили, отбежав назад и съездившись. Это были довольно крупные псы, но амазонки привыкли умирять дикий нрав кого бы то ни было.

Евриала подталкивала сзади мужчину, у которого были завязаны глаза и руки. Кафтан на человеке изорвался и теперь местами зиял дырами. Было заметно, что его тащили по земле, – штаны сильно запачкались. Он был бос. Евриала держала в руках его башлык, сапоги и сумку-мешок.

– Один? – хмуро спросила, подойдя к Арето, Мирина.

– Второй сорвался, – ответила та.

– Точно?..

– Да.

Палак трясся от испуга и тихо плакал. Слезы из-под повязки одна за другой катились по его упитанным щекам.

– Трус какой-то... Почему он ревет, Арето?.. Обидела малого? – с презрением в голосе поинтересовалась Мирина.

– Не хотела. Получилось так, – широко улыбнулась Арето. Мирина подошла к воину и указала на походную сумку.

– Что там, ты смотрела?..

Евриала положила сумку на землю и открыла. Не торопясь, внимательно рассмотрев содержимое мешка пленного, Мирина спросила:

– А что с оружием?

Арето достала из-за пояса акинак, принадлежавший мужчине, и передала его повелительнице. Та стала внимательно разглядывать меч, на рукоятке которого было что-то вырезано.

Резко обернувшись к мужчине, она спросила по-скифски:

– Ты Палак?

Пастух обрадовался, услышав понятную ему речь.

– Да, госпожа, – поспешил он ответить, усиленно при этом кивая. – Можете забрать его себе... или правителю вашему отдайте.

– Вот болван! Правителю... Он считает, что только один из *них* способен править, – расхохоталась Мирина.

Амазонки тоже начали смеяться. Арето подошла к пленнику и, сняв с его глаз повязку, подтолкнула в спину.

– На колени! – приказала она по-скифски.

Пастух грузно упал на колени. Подняв голову, он начал озираться по сторонам, с ужасом в глазах рассматривая окружившую его толпу полуодетых женщин с короткими волосами.

– Чего вы хотите от меня? – прерывающимся от страха голосом обратился он к Арето.

– А ну-ка помолчи! Здесь вопросы задаем мы! – свирепо ответила та, наклонившись к нему.

Палак попятился назад. Он не знал, на кого смотреть. Его ужасали эти мужеподобные создания, вооруженные топорами.

– Арето, закройте его пока. Вечером на совете решим, что с ним делать, – устало произнесла Мирина.

Ее мучила сильнейшая головная боль. Правительнице хотелось одиночества, уйти подальше от всех этих людей и трудностей, которые она была обязана преодолевать.

Арето и еще несколько амазонок, подняв Палака на ноги и подталкивая, повели его к одной из хижин. Вобрав голову в плечи, он молча повиновался.

Все это время собаки, которых одна из молодых воительниц держала на привязи, тихо повизгивали и держались бок в бок.

– Поди-ка, попрдержки этих щенков, – приказала Ифито одной из девушек.

Подошла Эния. Воительница передала привязь ей.

– Крепче держи!

Ифито вытащила заблестевший на солнце нож и быстрым движением обрезала уши и хвост одной из собак. Та громко завывала и попыталась кинуться прочь, но амазонка вовремя удержала ее, повалив на землю и сев ей на брюхо.

Другая собака начала яростно вырываться. Ифито, подняв плеть с земли, резким движением замахнулась на пса. Тот взвизгнул и поджал хвост.

Несколько молоденьких амазонок с ужасом смотрели на происходящее.

– Чего уставились? – рассердилась Ифито. – Ну же, быстро принесите несколько больших листов!

Девушки бросились срывать листья с деревьев. Сложив их плотным слоем, Ифито смастерила для собак что-то вроде повязки, чтобы остановить кровь, текущую из ран.

– Ничего, скоро привыкнут к нашей жизни, – сказала она, довольная своей работой.

То же самое Ифито проделала и с другим псом. Еще с древности амазонки, обрезая уши и хвосты собакам, надевали на них ошейники из грубой кожи в несколько слоев. При нападении волков псы становились почти неуязвимыми, к чему и стремились их хозяева: случаи проникновения хищников в селения были очень частыми.

– Можешь отвести их подальше, к заброшенной хижине, и привязать, – взглянув на девушку, которая ласково поглаживала псов, понуро лежавших на земле, предложила Ифито. – Накорми их, они это заслужили. Настрадались, бедняжки... смотри, как тихо лежат, – трепля их за бока, улыбнулась она. – И дай им воды. Ничего, зато волки и медведи им теперь не страшны, – сказала она и пошла к общей хижине воинов.

Под тенью многовекового дуба сидели Мирина и ее помощница. Арето, срезав одну из толстых ветвей дерева, пыталась выстругать что-то вроде короткого копья. Ее нож мягко скользил по дереву, обнажая его нежно-молочную изнанку, которая через несколько мгновений начинала темнеть, теряя красоту и признаки жизни.

– Ты уверена, что пастухов было лишь двое? – задумчиво спросила Мирина.

– Да, заступница, не беспокойтесь. Мы долго за ними наблюдали. Тот, что сорвался, повел себя неожиданно смело, за что и поплатился жизнью, – ответила Арето, прервав на минуту

свою работу. – Но вы сами выглядите озабоченной. Что случилось?.. Мою повелительницу что-то тревожит? – она испытующе посмотрела на Мирину.

– Мне не нравится ваше своеволие, Арето. Это неправильно! Просто возмутительно... Такие поступки идут вразрез с нашим планом! Мальчишка был нам нужен. Так зачем же... и кто распорядился влить ему в глотку столько яда? Уж лучше бы убили! Для чего было тащить его сюда?

– Заступница, вы слишком уж забываете себе голову думами об этом сопляке. Я сейчас пойду к нему и всё исправлю, только прикажите! Дайте нам время – и завтра же я приведу еще трех-четырех таких пастухов с лошадьми в придачу, и мы сможем продолжить путь на Медвежью Гору. Все идет, как задумано, госпожа, – старалась успокоить повелительницу Арето. – Да, мы с Лисиппой погорячились. Последний бой с греками ожесточил нас, и скажу откровенно: я жажду крови! Крови, мести... Сколько воинов мы потеряли, заступница! Ведь оттого мы и ищем новые места, что гонимы этими убийцами!.. Вспомните города, основанные нашими предками, вспомните, сколько лет нам приходится скитаться по лесам, не имея ни постоянного приюта, ни уверенности в завтрашнем дне. Да сама Артемида велела сегодня же собраться и уничтожить эту деревню! – все больше распалаясь от своих же слов, с ненавистью в голосе изливала душу амазонка.

Арето отбросила раскромсанный и ни на что уже не годный кусок дерева в сторону.

– Ну, убьем мы всех – и что?.. Там дети, женщины! Придется вырезать их тоже. Зачем нам это надо, Арето? – с горечью спросила Мирина. – Мы обязаны следовать миссии, возложенной на нас Высшим Советом. Нам дано поручение, и определен срок. Наши матери должны принести новое потомство здесь, после чего мы вернем мальчиков скифам, а сами с родившимися девочками продолжим путь на Медвежью Гору, где к нам через год присоединятся наши соплеменники. Здесь же мы обязаны защитить тех, кто продолжает наш род. В этом наше предназначенье, а не в вечных битвах, к тому же с мирными крестьянами, не способными ни воевать, ни убивать, – с твердостью в голосе продолжала предводительница амазонок. – Не можем мы сейчас продолжать наш путь, прихватив с собою, как ты говоришь, нескольких пастухов. Ведь потом уже некуда будет деть родившихся мальчиков... Детоубийство – единственное, чего я никогда не умела, да и не пыталась этому научиться. И никому – запомни! – ни одной амазонке я не позволю совершить такое злодеяние!.. В моем племени этого не будет. Всякого, кто решится убить дитя, даже рожденное от врага, постигнет суровое наказание...

Мирине порядком надоели эти воины, безрассудные в своей злобе, пытающиеся воздействовать на нее и, как уже ощущала предводительница, недовольные ее правлением.

Всем видом показывая, что разговор окончен, она резко поднялась и направилась в хижину, где держали Сакия.

Глава четырнадцатая

Гармония сидела за пределами лагеря, у родника.

Солнце уже садилось. Девушка прислушалась: в воздухе соприкасались и смешивались тысячи всяких звуков. Мелодия воды пыталась заглушить их, но журчание то ослабевало, давая право на жизнь другим, не более разнообразным звукам, то, негодую, становилось сильнее. Живописная природа гоняла мысли друг за другом в строгом порядке и расставляла их по своим местам...

Юная амазонка сегодня много размышляла. Поведение пленника ее очень удивило, и Гармония уже ни на миг не могла забыть о молодом скифе. В ней проснулись жалость... и еще что-то... Щемящее, гложущее душу изнутри. Ей хотелось вернуться и долго смотреть на юношу.

«Почему он вернулся, что заставило его?.. Неужели подумал обо мне, о моей участи?» – мучилась девушка. Она хотела ему помочь, но как?.. И правильным ли поступком окажется это после разговора с Мириной? Будет ли это честно по отношению к ней?

Гармонию тяготили столь противоречивые вопросы. «Мама, где ты?» – глубоко вздохнув, простонала она. Вспоминая детство, девушка чувствовала, что мысленно переносится к тем ночам, когда мать, вернувшись в лагерь, ложилась рядом и обнимала ее. Чувствуя ее дыхание, девочка ощущала любовь как нечто осязаемое. Она начинала осторожно целовать ненавистные, но в то же время настолько родные шрамы и ссадины, которыми было усеяно тело ее единственного родного человека...

«Прикоснувшись, можно ощутить на себе боль души! Так было с матерью, и вот теперь... и с ним!» – подумала Гармония. Ей становилось плохо в самой глубине сердца. Это было изматывающее чувство, которое невероятной тяжестью сжимало и подавляло всё ее существо.

Она протянула руку, подставляя пальцы под струйку бьющего родника, своего неугомонного друга, и закрыла глаза, представляя мать рядом. Ей стало немного легче. Девушка поднялась, улыбнулась говорливому ручейку и поспешила обратно.

Начал собираться совет. Воины уселись кругом так, чтобы каждый мог высказать свое мнение. Лисиппа и еще две амазонки сидели поодаль, дабы подчеркнуть свою неприязнь к происходящему в лагере. Девушки с двумя седовласыми матерями уселись вместе.

– Где ты была? Мы уже поужинали. Но я оставила тебе несколько кусков. Там, в хижине, под шкурой, – склонилась к уху Гармонии Лика.

Девушка улыбнулась и сжала подруге руку.

– Ты будешь лучшей матерью на свете, – шепнула она.

Лика смущенно хихикнула и тут же поморщилась:

– Этот скиф некрасив и стар. Лучше бы тот, юный... но Грина от него не отходит, – прибавила она с сожалением.

– Он отравлен... – тихо произнесла Гармония, и ее лицо потемнело.

Между тем собрались уже почти все амазонки, не пришли лишь предводительница и Арето. Воины перешептывались, глядя на Лисиппу и ее сторонниц, сидевших отдельно. Не выдержав осуждающих взглядов, Лисиппа поднялась и стала обходить ряды. Было заметно, что она волнуется.

– Сядь, Лисиппа, – внезапно послышался голос Мирины.

Предводительница появилась в сопровождении Арето. Сев на обрубок дерева, на который была выброшена медвежья шкура, Мирина указала своей помощнице на другую шкуру, лежащую на земле. Арето опустилась на нее.

Надменно взглянув на них, Лисиппа вернулась на свое место.

– Я собрала вас сегодня для того, чтобы сообщить о дальнейших действиях, – твердым голосом начала свою речь Мирина. – Мы задержимся в этих краях, как и было заранее решено Высшим Советом, который здесь и сейчас представляю я! – Она сделала упор на последнем слове, посмотрела на Лисиппу и медленно обвела взглядом двух примкнувших к ней воинов. – После того как будет зарождена новая жизнь, мы вернем мальчиков в деревню, а сами продолжим путь к Медвежьей Горе. К тому времени будут накоплены силы, а позднее к нам присоединится еще один отряд. Мне не хотелось бы думать, что хотя бы одна из вас может быть не согласна с распоряжением Совета!.. Теперь же я слушаю вас, – с суровым выражением лица обратилась предводительница к Лисиппе.

– Мы не согласны! – воскликнула та, резко вскочив со своего места.

Но что-то вдруг удержало Лисиппу, и она замолчала.

– Мы?.. Кто «мы»?.. С чем же вы не соглашаетесь? – обратила на дерзкую амазонку пылающее гневом лицо предводительница.

– Мне хочется знать причину, по которой скиф все еще жив! – выкрикнула Лисиппа. – Зачем он нам? Он отравлен и ни на что не годен! Почему до сих пор не выяснили, кто помог ему бежать?.. Я связала его! Я, а не Арето... Он не мог бы справиться с этими путами так легко!..

– Значит, плохо связала! – нетерпеливо перебила ее Мирина. – Может, спросим с тебя за случившееся, как думаешь?.. Да и вообще, какое право ты имела поить скифа ядом? Откуда столько вольности, неповиновения? Разве ты не знала о решении Совета? Вместо того, чтобы служить примером для молодых воинов, ты вносишь в их мысли смуту. Зачем?.. Против кого ты борешься, Лисиппа? Против чего? Ты забыла, что мы – единое целое, и только благодаря этому нашему народу удалось выжить, сохранить себя, не уничтожить друг друга в вечной погоне за властью! Мы можем вместе обсудить всё, что, возможно, беспокоит тебя, но для этого не надо бросать мне вызов, не имеющий никакого смысла, – уже немного спокойнее продолжала Мирина. – Тебе и всем другим была названа цель нашего переселения. Что неясно для вас, троих мятежников?.. Вы пытаетесь мне сказать, что недовольны моим правлением? Но это не только мои решения, ты ведь знаешь об этом, Лисиппа! Наша главная цель, если ты забыла, – это приход Новой Крови и власть над Медвежьей Горой с близлежащими землями... Ты же знаешь, что мы сейчас не в состоянии воевать, будь то греки или скифы. В последнем сражении мы стояли с тобой спина к спине! На наших глазах была уничтожена половина армии. Ровно половина! Убиты и покалечены лучшие из нас... Нам необходима Новая Жизнь, нам нужно время, дабы собраться с силами, и мы не имеем права ставить под угрозу матерей, наше будущее, будущее народа. Ты осмелилась противоречить не мне, ты идешь против Высшего Совета! Да еще смеешь собирать вокруг себя сторонников... – Мирина скользнула пылающим взглядом по Аэлле и Пантаристе.

Те сидели, опустив головы.

– Что до скифского мальчишки, так это я распорядилась не убивать его. Через некоторое время он придет в себя. Молодость справится с недугом. Никто не посмеет и пальцем его тронуть, пока я не прикажу! Если это всё, если остальных не мучает мятежный дух, то разговор завершен. И вот что еще: отныне непокорное поведение будет пресекаться немедленно и жестоко! Не посмотрю, воин ли это, друг, одна из матерей или кто другой! Закон для всех един, он касается каждого из вас, в том числе и меня. Если что-то неясно еще, то я готова вас выслушать! Только уже в последний раз! – громко закончила Мирина.

Воцарилась тишина. Амазонки боялись лишней раз вздохнуть. Еще несколько мгновений предводительница осматривала ряды своих подданных, стараясь взглянуть в каждого из них. Все стояли, склонив головы. Только Лисиппа смотрела Мирине прямо в глаза, не скрывая ненависти... Предводительница махнула рукой, давая понять, что совет окончен, и поспешно удалилась в сопровождении Арето.

Амазонки начали расходиться. Все до единого были взволнованы речью Мирины. Не сдвинулась с места лишь Лисиппа. Она упорно смотрела перед собой, словно разглядывая в воздухе что-то невидимое. Ее бывшие сторонницы тоже покинули своего мятежного вожака.

Гармония и Лика шли рядом. Обе девушки молчали. Заметив, как печальна подруга, Лика взяла ее за руку.

– Я боюсь, Гармония! Ты видела, слышала Лисиппу? Она даже предводительнице возражает... бешеная! Если узнает, то и мне, и тебе выколет глаза, не спросив ни у кого позволения! – Лика была в полном отчаянье.

– Если ты никому не скажешь, все обойдется! Забудут... Только не выдавай меня, прошу. Я боюсь остаться слепой, – испуганно сказала Гармония. – Обещай мне!

– Поторопись, не то девушки найдут твой ужин... И тебе, как всегда, ничего не достанется, – постаралась уйти Лика от наводившего на нее ужас разговора.

Они вошли в большую хижину, где жили семь молодых амазонок. Лика подошла к окну. Взглянув в него, присела и незаметно просунула руку под шторы, на которых спала. Вынув глиняную миску, прикрытую листьями, она протянула ее Гармонии, которая устроилась тут же и принялась за еду.

Глава пятнадцатая

– Заступница, успокойтесь! Попробуйте-ка вот... Девушки выжали этот сок из плодов тутовника. Со вкусом вина! Еще немного постоит – и не отличить от настоящего! – восхищенно сказала Арето и протянула кувшинчик с пурпурной жидкостью своей повелительнице.

– В горло ничего не идет... Так и хочется пойти и отрезать язык этой змее Лисиппе! Жаль, что не дозволено, а то вмиг бы расправилась с ней. Неблагодарная!.. Сколько раз я вытаскивала ее из лап смерти! – гневалась Мирина, по своей привычке ходя взад и вперед.

– Не придавайте случившемуся столько значения. Сказать, чтобы принесли отвару? – предложила верная помощница.

– Нет, Арето. Усиль охрану, меняй дозорных, а то уснут еще где-то под деревом... Большого я от них и не ожидаю! – досадовала Мирина.

– Я даю слово, заступница: все будет так, как прикажете! Завтра же сама приведу парочку-другую пастухов вам на поклон... – старалась смягчить Мирину Арето.

– Да, уже пора бы. Нам нельзя терять время на глупые разговоры и перебранки с погаными людьми! – согласилась, немного успокоившись, Мирина.

– Я пойду, – тихо сказала Арето и вышла, почувствовав, что пришло время оставить повелительницу одну.

Мирина подозвала девушку, сидящую у порога в ожидании приказаний.

– Пойди узнай, как там парень. Тот, отравленный...

Та поспешила выполнять поручение.

Предводительница начала обдумывать завтрашний день. Он обязан быть плодотворнее, чем все прошедшие. Им надо было торопиться... На них возлагались большие надежды, и Мирина отвечала за это славой искусной воительницы, своей доблестью и честью.

«От пленников после нужно будет избавиться... А может, отпустить их на свободу вместе с родившимися мальчиками? Нет, слишком опасно. Никто не должен знать, куда мы решили направиться!» – размышляла Мирина.

Совершенно позабыв о посланной к пленнику девушке, она сама направилась туда.

В хижине царил полумрак. Небольшой факел уже угасал. На полу рядом с Сакием, укрывшись шкурами, спала Грина.

Мирина подошла к пленному скифу и наклонилась. Коснувшись рукой горячего лба, улыбнулась. «Не хочет помирать негодник, а! Посмотрите-ка на него!»

Парень зашевелился и открыл глаза. Увидев Мирину, приподнялся: Сакий уже понял, кто главный в племени.

Предводительница довольно грубо толкнула Грину рукой. Та спросонья, не поняв, в чем дело, живо обернулась к юноше... потом же, заметив Мирину, быстро вскочила на ноги и сложила руки на груди.

– Заступница, простите... я устала немного, – робко призналась она.

– Так что же тебя не заменяют?.. Или мне вечно ходить за вами и заниматься пустяками? – равнодушно ответила Мирина и отвернулась, не чувствуя злости. – Иди в хижину и спроси, кто из девушек не знает языка скифов. Живо пошли ее сюда. И еще: пленник накормлен?

– Да, заступница. Но... – Грина замялась, – я уже отдохнула. И вообще, кажется, речь чужаков понимают все, кроме меня, – добавила она в надежде, что повелительница все-таки разрешит ей остаться в хижине.

– Не может этого быть, я сама отобрала семнадцать девушек, не знающих по-скифски... На всякий случай. И этот случай настал. А ну, живей! – приказала Мирина.

Грина нехотя вышла. На пороге она посмотрела на Сакия и улыбнулась. Он все это время внимательно следил за каждым движением амазонок, пытаясь уловить хоть одно знакомое слово. Но тщетно...

Мирина перевела взгляд на него.

– Ну, пришел в себя?

– Да, – обрадовался юноша. – Благодарю вас, госпожа. Девушка заботилась обо мне. Хорошо заботилась, – торопливо добавил Сакий, заметив по выражению лица Мирины, что та сердита на Грину.

– Как тебе удалось бежать, я знаю. Посмеешь хотя бы подумать о побеге еще раз – живо дышать перестанешь! – пригрозила предводительница и, достав из-за пояса маленький нож, поднесла его к горлу парня.

Тот не шевелился.

– Расскажешь кому-нибудь, кто помог тебе освободиться – и я изрежу тебя на куски, – спокойно продолжала она.

– Я не скажу, – прошептал парень, боясь шелохнуться.

Мирина отвела нож в сторону и, как ни в чем не бывало, указав ему на горло, спросила:

– Жжет еще?

– Нет, госпожа, уже легче, – глубоко вздохнув, ответил Сакий.

– Поднимись-ка на ноги!

Парень встал. Он заметно шатался, хотя пытался удержать равновесие.

– Сядь на место!

Сакий присел. Мирина поднялась, подошла к двери и выглянула наружу. Постояв недолго у порога, вернулась.

– Так есть в вашем селении воины?

Юноша опустил голову.

– Значит, нет... Что, только пастухи?.. Сколько же лет ничего не меняется в этой затхлой деревушке! – усмехнулась предводительница и покачала головой. – Много ли людей?.. В какие дни приезжают из города за сыром и молоком? – выспрашивала она, пристально наблюдая за выражением лица Сакия.

– Каждую неделю... – Он потупил взгляд.

– В какие дни?

– По-разному... Я пасу стадо и все время на выгоне. Я... я не знаю точно, – волнуясь, отвечал парень, не зная, куда деваться от острого, испытующего взгляда Мирины.

– Нам нужно добыть молока и сыра. Сыр – иппака или же гиппака, ведь так вы его называете? – из кобыльего молока. Убивать не будем... если ты, конечно же, скажешь нам точное место, где это хранится, – спокойно продолжала предводительница. – Можно, думаю, обойтись и без жертв. Нам требуется много провизии и зерна. Нужны лошади, но из берков – скакунов, – а не клячи. Ты понял меня?

Сакий кивнул. У него тряслись руки.

– Я приду завтра, а ты все обдумай. Без промахов, парень, – снова пригрозила ему Мирина.

Вошли девушки. Грина была расстроена из-за распоряжения Мирины. Она сердито указала на свою спутницу:

– Вот эта девчонка не знает языка, на котором говорит пленник, заступница. Понимает только греческий.

Мирина кивнула, и девушка подошла к ней ближе. Ей было не более четырнадцати лет, но выглядела она рослой и крепкой.

– Эрибея... ведь так тебя зовут?

– Да, заступница.

– Ты знаешь свои обязанности?

– Я ей объясню, заступница, – с готовностью воскликнула Грина.

Мирина перевела взгляд на нее. В глазах предводительницы амазонок проскользнула едва заметная искорка подозрения.

– Только быстро и без лишних подробностей... Не тяни время.

– Да, заступница, – едва сдерживала слезы отчаяния Грина.

Обе девушки слегка поклонились, сложив на груди руки. Мирина вышла.

...Луна, источающая полный свет. Оживление и теплый воздух, пахнущий зеленью. Лай собак, дополняющий обыденность людского обитания. Девушки, заплетающие друг другу косы. Воины, сидящие кучками и потягивающие терпко-сладкий тутовый сок. Матери, готовящие на завтра мясо, обертывая каждый кусок в листья дикого винограда, растущего неподалеку. Ласкающий слух шорох листвы огромного дубового дерева, под сенью которого много лет назад так же сидели воины.

Другие, но те же...

Глава шестнадцатая

– Арето, думаю, что там уже хаос... – произнесла Мирина, указывая движением головы куда-то вдаль.

– Да, вы правы, – ответила та, сразу поняв, о чем речь. – Завтра все будет так, заступница, как и должно быть!

– Не знаю пока, не решила: может, и мне пойти с вами? – сомневалась Мирина.

– Заступница, вы доверяете мне настолько, чтобы быть уверенной в успешном завершении этого похода? – Арето вопросительно посмотрела на предводительницу.

– Ты знаешь ответ на этот вопрос, – уверенно кивнула Мирина.

Арето склонила голову. Она и не заметила, как ее госпожа ушла. Постояв еще какое-то время под деревом, внезапно очнувшись, амазонка перескочила на свободное пространство, вспомнив поверье: оно гласило, что по ночам в деревьях оживает дух, питающийся человеческой силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.